

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Золотое яблоко
с древних времен
считалось символом
соблазна и раздора.
Его владельцы знали
об этом, но все равно
не могли с ним
расстаться...

Алина ЕГОРОВА

Ведьмино яблоко раздора

Артефакт & Детектив

Алина Егорова

Ведьмино яблоко раздора

«ЭКСМО»

2011

Егорова А.

Ведьмино яблоко раздора / А. Егорова — «Эксмо»,
2011 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-52410-5

У семьи Лакришевых существовала своя фамильная реликвия – золотое яблоко, которое бережно хранила бабушка Аида. Только происхождение удивительного произведения искусства оставалось для всех тайной... Актриса Аида Лакришева всегда имела много поклонников. Один из них и преподнес ей чудесное золотое яблоко, найденное им в крымских пещерах. Никто не ведал, как оно туда попало – за столетия эти приморские земли успели сменить множество владельцев... И вот кто-то безжалостно убил бабушку Аиду, сорвав с ее шеи ключ от сейфа, где хранилось золотое яблоко, а сам раритет бесследно исчез. Все члены большого семейства Лакришевых утверждали, что ничего не видели и не слышали. Но кое-кто явно знал больше, чем говорил...

ISBN 978-5-699-52410-5

© Егорова А., 2011

© Эксмо, 2011

Алина Егорова

Ведьмино яблоко раздора

Санкт-Петербург. Два месяца ранее

Петербург встретил Антониса ледяным дождем с порывистым ветром, пронизывающим насквозь. Дождь хлестал греческого гостя по высокому открытому лбу, и ему казалось, что холод пробирает его до костей. Отправляясь в Россию, Антонис взял с собой теплые вещи: шерстяную шапку, шарф, спортивную куртку на подкладке, зимние перчатки. И все равно замерз. Антонис никогда раньше в Петербурге не был. Он много слышал о том, какой это красивый, элегантный город, сколько в нем памятников архитектуры; слышал и то, что город называют Северной Венецией из-за большого количества водоемов и мостов. Перед отправлением полистал путеводитель с яркими фотографиями, представляющими город во всей красе. Мосты, фонтаны, музеи, храмы, фонари – все стоило посмотреть. Мостам в путеводителе уделялось особое внимание. Их в Петербурге много и на любой вкус: величественный Дворцовый, помпезный Троицкий, строгий Петра Великого, уютный Банковский. Больше всего Антонису понравился вид разведенного моста: чуть разбавленное алыми полосками заката темно-синее небо и два огромных крыла, склоненные над шпилем Петропавловской крепости. Он решил, что непременно должен увидеть это великолепие.

В первый же день своего пребывания в Петербурге, когда по какому-то недоразумению выглянуло солнце, Антонис сдуру пошел на набережную. Пока он туда добирался, солнце исчезло. Затянутое низкими тучами серое небо пролилось моросящим дождем. Мост был тот же самый, что и в путеводителе, те же набережная и крепость – все было на месте, только не яркое и красивое, а блеклое и невзрачное. А еще холодный ветер, оказавшийся на набережной ледяным. Его вмиг просквозило; изнеженный южным климатом организм не вынес над собой такого издевательства, и Антонис свалился с простудой.

Лежа в гостиничном номере, Антонис смотрел через оконное стекло на мрачное от дождя небо. Мелкий противный дождь. Казалось, в этом городе он не прекращается никогда. Петербург ему уже не нравился. Посещать музеи расхотелось, чтобы любоваться архитектурой по такой погоде, надо было быть ненормальным. Лучше уж в тепле посидеть, а архитектуры и в Греции хватает.

Культурная программа Антониса завершилась, но возвращаться на родину он не торопился – здесь ему еще предстояло одно дело. Он включил ноутбук, открыл фото, затем файл с данными.

Ярослава Лакришева, двадцать шесть лет, улица Алтайская, дом 24, квартира 16. Кроме нее, в квартире никто не зарегистрирован. Это позволяло надеяться, что девушка живет одна, и может быть, у нее нет бойфренда. Насчет последнего Антонис усомнился: с таким прекрасным лицом – это вряд ли. Одна только ямочка на подбородке чего стоит!

Фотографию Ярославы Лакришевой Антонис скопировал с ее страницы на фейсбуке. К его великому сожалению, девушка оставила там о себе очень мало информации и никогда не бывала онлайн. Паспортные данные Ярославы он добыл, полчаса копания в Интернете – и готово, а вот подробности ее личной жизни там, увы, отсутствовали.

Будучи штурманом, Антонис привык подходить к делу обстоятельно, с хорошо продуманным планом действия, в котором учитывались все детали и различные повороты событий, чтобы при любых обстоятельствах иметь возможность мгновенно сменить курс.

Он приступил к разработке плана, главным пунктом которого являлась цель. Пока, кроме цели, Антонис не знал ничего. Он записал ее отдельно и выделил жирным шрифтом – одно

короткое слово, конечный пункт его маршрута. Маршрут может меняться сколько угодно, а конечный пункт – нет. Нужно продумать несколько траекторий движения к нему, с отклонениями и пересадками. Сколько будет отклонений от курса, Антонис не знал, все зависело от обстоятельств. Возможно, в пути придется даже развернуться на сто восемьдесят градусов – в его летной практике бывало и такое, но он точно знал, что в конечном итоге к цели придет. Как скоро это случится – во многом зависело от его мастерства и от точности расчетов. А для расчетов нужны данные, поэтому он решил прежде всего приступить к их сбору.

Ленинградская область, поселок Разметелево. Январь

Дарья Альбертовна с утра крутилась по хозяйству как белка в колесе. Новогодние выходные – хуже будней: в доме становится столько грязи, что только и успевай убирать. А одуревшие от безделья домочадцы постоянно путаются под ногами и мешают. Помощи от них не дождешься, а если что-нибудь и сделают, то так, что лучше бы и не брались вовсе – все равно придется переделывать. И зачем они сюда, на дачу, приехали, спрашивается? Сидели бы в городе: что там телевизор целыми днями смотрели, что тут теперь от экрана не отходят.

В свои пятьдесят шесть лет Дарья Альбертовна была довольно бодрой женщиной, избежавшей многих болячек, которые неминуемо настигают большинство людей, чей возраст перевалил за полтинник. Крепко сбитая, с широкими бабьими бедрами и пышной грудью, с сильными руками бывшей тяжелоатлетки, пронизательным взглядом на неожиданно миловидном, круглом лице, Дарья Альбертовна имела репутацию женщины, с которой лучше не спорить, – все равно останешься в дураках, еще и нервы себе испортишь и время потеряешь. Домашние с ее мнением всегда считались и если ей иногда перечили, то только из упрямства, зная, что в любом случае последнее слово останется за ней. Лишь один член семьи Лакришевых позволял себе роскошь поступать по-своему, плюя с высокой колокольни на мнение Дарьи Альбертовны, – ее мать, Аида Серафимовна. Аида Серафимовна в прошлом блистала на сцене Минского драматического театра, а ныне вела скучный образ жизни пенсионерки. Несмотря на свой почтенный возраст, старушка не терпела к себе обращения по имени-отчеству, а также не допускала, чтобы ее называли мамой, бабушкой и уж тем более прабабушкой. Поэтому даже правнук Аиды Серафимовны, восьмилетний Дениска, называл ее Аидой. Выйдя на пенсию, бывшая актриса не переставала давать представления. Окружающие постоянно становились зрителями ее спектаклей. Аида мастерски исполняла роль тяжело больной, а иногда и умершей, которая после приезда бригады «Скорой помощи» чудесным образом воскресала. Аида Лакришева к старости стала слаба на голову, и у нее часто случались провалы в памяти. Или это была всего лишь ее очередная роль – понять было сложно. Во время своих припадков она становилась совершенно невыносимой, чем доводила до белого каления дочь, вынужденную ее опекать. Дарья Альбертовна от ее выходок сама начинала сходить с ума. Она пила успокоительные капли, ругалась, но ничем не могла исправить ситуацию и продолжала нести нелегкий крест – ухаживать за престарелой матерью.

– Опять Богу душу отдала! – вздохнула Дарья Альбертовна. – Когда же все это закончится?! Уже и с декорациями помирать начала, в следующий раз оркестр пригласит!

Она не без раздражения посмотрела на диванчик, где с неподвижным взглядом, направленным в потолок, лежала Аида, в ногах которой небрежно лежали четыре бордовые розы. Дарья Альбертовна подошла к холодильнику, достала оттуда сметану и вернулась в комнату.

Веранда имела отдельный вход; там стоял диван, журнальный столик и старый холодильник, вынесенный из кухни после приобретения нового. На веранду мало кто заходил, только хозяйка дома, когда ей нужно было наведаться к холодильнику. Потенциальных зрителей набралось бы немного, поэтому выбор места для «умирания» Дарье Альбертовне пока-

зался странным. Но все равно она не стала беспокоиться по поводу кончины матери. «Голод – не тетка. К ужину оживет», – решила она.

Но ни к ужину, ни к более позднему времени Аида в общество, которое к ночи поредело, не вышла. В доме остались только Дарья Альбертовна и Дениска, а его мать Томила со своей сестрой Ярославой и дядей Русланом уехали в город. Руслан Альбертович отклонялся раньше остальных – сразу же после ужина, а Томила и Ярослава немного задержались.

Дарья Альбертовна ничуть не расстроилась отъезду родственников, напротив, это событие ее очень даже порадовало: в доме стало тише, и у нее как у хозяйки убавилось хлопот. Аида не досаждала своими причудами, притихнув на веранде. Вот только Дениска доставлял беспокойство шумными играми. Утомился бы он – совсем была бы красота. Она давно мечтала приобщить внука к рисованию, лепке, моделированию, пазлам – к любому занятию, предусматривающему тихое сидение на месте. Покупала фломастеры, раскраски и всевозможные настольные игры, но Дениска не проявлял к ним никакого интереса, предпочитая беготню.

– Ты здесь будешь ночевать? – тихо спросила Дарья Альбертовна мать.

Перед тем как улечься в постель, хозяйка обошла дом и заглянула на веранду. Ей никто не ответил, но Дарья Альбертовна этому не удивилась – время было поздним, так что Аида вполне могла уже уснуть. Не включая свет, она подошла к дивану и, отодвинув в сторону цветы, укрыла мать пледом.

Утром Дарья Альбертовна опять принялась хлопотать по хозяйству. Нужно было вымыть рамы и подоконники с внутренней стороны, на которых собралась пыль, выгладить белье и перебрать вещи в комод, выбросив оттуда старье. В доме заметно похолодало из-за того, что хозяйка на ночь убавила мощность радиаторов. Она считала, что спать нужно в холодном помещении, да и экономия выходила на электричестве приличная. Подрагивая от холода, она надела поверх сатиновой сорочки в горох махровый халат, сунула ноги в мягкие тапки с озорными собачьими рожицами и пошлепала умыться. За окном падал пушистый снег, покрывая двор новыми сугробами. «Снова дорожки чистить!», – недовольно подумала Дарья Альбертовна. Накануне она их уже чистила, и вот теперь снова придется браться за лопату. Дармоеды (так хозяйка называла свою родню) убирать снег не хотели – им он не мешал, и Дарья Альбертовне ничего не оставалось, как убирать его самой. Она машину не водила, и ей снег мешал меньше остальных – чего там перешагнуть через сугроб? Но Дарья Альбертовна, во-первых, любила порядок, а во-вторых, не допускала, чтобы у кого-нибудь из соседей появился хоть малейший повод отозваться о ней как о плохой хозяйке. Соседей в их дачном поселке зимой было немного, да и те не проявляли особого любопытства до чужих дел – все жили сами по себе. Разве что Сазоновы иногда заглядывали во двор, но и то больше по привычке, чем из интереса.

На завтрак Дарья Альбертовна, как обычно, собиралась приготовить овсяную кашу. Она ее варила на молоке, а не на воде, как рекомендовали диетологи. На молоке каша получалась вкуснее, хоть и более калорийной. Дарья Альбертовна не беспокоилась за свою талию, давно затерявшуюся на ее плотном теле, и предпочитала здоровое питание голодному пайку. Мнение членов семьи не учитывалось. У хозяйки по поводу меню разговор был коротким: кому не нравится, тот может не есть. Она не церемонилась даже с внуком. Впрочем, мальчик в отношении еды был некапризным и ел все подряд, что отражалось на его упитанной мордахе.

На кухне Дарью Альбертовну ждало легкое разочарование – молока в пачке оказалось на самом доньшке, и на кашу его явно не хватало. Вспомнив, что в старом холодильнике есть запасы концентрированного молока, она решила приготовить кашу на нем.

Осторожно открыв дверь, чтобы не разбудить мать, Дарья Альбертовна просочилась своим мощным корпусом на веранду. Представившее зрелище ее разозлило. Это было уже слишком! Аида лежала на диване в той же позе, что и накануне, и по-прежнему сверлила стеклянным взглядом потолок.

– Епишкина мышь! Актриса из погорелого театра! – проворчала Дарья Альбертовна, холодея от дурного предчувствия. Она подошла к матери и заглянула ей в лицо. Затем коснулась бледного лба.

– Мама! Ты это что?! Эй, ты на самом деле, что ли... – у нее язык не повернулся произнести слово «умерла».

Дарья Альбертовна бросилась к телефону. Она все еще надеялась, что это очередной дурацкий розыгрыш Аиды. Сейчас, как это уже было не раз, придет «Скорая», осмотрит «больную» (разговаривая с диспетчером, Дарья Альбертовна в таких случаях всегда говорила, что ее матери плохо с сердцем), и Аида оживет до следующей своей «кончины».

Хорошо знакомый по прошлым вызовам врач-кардиолог Иван Ефимович неторопливо проследовал на веранду. С момента вызова прошло уже больше часа, поэтому, как он рассудил, лишние полторы минуты ничего не решат – если больная ждала все это время, она подождет еще, ну а если не дождалась и отдала концы, то медицина тут бессильна.

– «Скорая помощь» называется. По три года вас ждать приходится! – не удержалась хозяйка от замечания.

Врач ничего не ответил. Он сочувственно посмотрел на Дарью Альбертовну, понимая, как нелегко ей с пожилой матерью.

– Медицина здесь бессильна, – произнес он, взглянув на Аиду. Он ловко проделал какие-то манипуляции и добавил: – Почти сутки прошли. Что же вы зря бригаду гоняете? У меня и без вашей покойницы вызовов хватает.

– Как же это? Она ведь еще вчера... – осеклась Дарья Альбертовна, моргая светлыми, как солома, ресницами. Она вспомнила вчерашний день и поняла, что на этот раз Аида представление не разыгрывала.

– Что с ее шеей? Откуда эта борозда? – спросил кардиолог.

– Какая борозда? – хозяйка изумленно уставилась на расстегнутый ворот домашнего платья Аиды. На шее, там, где раньше висел на шнурке ключ, зияла фиолетовая полоска.

– Наверное, мама за что-нибудь зацепилась, – неуверенно ответила Дарья Альбертовна. Она была неглупой женщиной и сообразила, к чему он клонит. Врач считает, что кто-то поспособствовал появлению борозды на шее матери, и он должен сообщить об этом в полицию. «Этого еще не хватало!» – рассердилась Дарья Альбертовна.

– Зацепилась, говорите? – с сомнением произнес эскулап. – За что, позвольте полюбопытствовать? Может, она на шее носила дорогую подвеску и ее у нее кто-то сорвал?

– Какую там подвеску?! Обыкновенный ключ на шнурке, – сказала Дарья Альбертовна и осеклась – про ключ говорить не стоило.

– Ну вот, выходит, что на ключ позарились. Я вынужден уведомить об этом компетентные органы.

– Ну, послушайте, Иван Ефимович! Мама страдала сердечной недостаточностью. Вы же часто к нам приезжали и сами все знаете. Зачем к смерти старушки привлекать полицию? Нам, ее родственникам, и так плохо, у нас горе, в конце концов, и вот по вашей милости нам еще придется по допросам таскаться. Я всегда знала, что для врачей люди – мусор. Ничего святого у них нет! – сказала с пафосом Дарья Альбертовна, надеясь пронять речами кардиолога, но это ей не удалось.

– Семен! – обратился он к фельдшеру. – Вызывай труповозку. И полицию.

* * *

– Смерть наступила вчера, около четырех часов дня. Причина смерти – сердечный приступ, – сообщил криминалист.

– Вот и чудненько. Значит, труп некриминальный, – не без удовольствия прокомментировал оперативник Леонид Зозуля.

– Я бы не торопился с выводами. На шее у трупа след, оставленный тонким шнуром, вероятнее всего, из капрона. Старушку могли напугать, что спровоцировало инфаркт. Скажем, хотели задушить, но не успели – она скончалась от разрыва сердца.

Леня вздохнул. Этого и стоило ожидать – врач «Скорой помощи», по чьей милости они и приехали в этот дом, сказал то же самое: Аида Серафимовна Лакришева умерла от сердечного приступа, который мог быть спровоцирован испугом. Если бы не сиреневая борозда на шее потерпевшей, то можно было бы списать смерть старушки на ее слабое сердце. Как ни крути, а придется либо искать убийцу, либо доказательства отсутствия состава преступления, что в данном случае не легче.

– Что это был за ключ, о котором упомянул доктор? – спросил Тихомиров у Дарьи Альбертовны, которая нервно переминалась с ноги на ногу. Услышав голос следователя, женщина вздрогнула. Ну, Ефимович! Ну, старый хрыч! И про ключ не забыл милиционерам доложить. Недержание у него – язык за зубами не держится!

– Ключ как ключ, обычный такой ключ, – неопределенно ответила она.

– Почему ваша мать носила его на шее, а не, скажем, в сумке, как все дамы? – допытывался Илья Сергеевич.

– На шее надежнее, а из сумки спереть могли.

– Логично, – хмыкнул следователь, вспоминая, как в детстве сам носил ключи на шее, только не потому, что их могли украсть, а чтобы самому не посеять. – Значит, не исключено, что Аида Серафимовна страдала провалами в памяти или слабоумием, раз вешала ключ на шею, как ребенок, – отметил он про себя. Тихомиров не раз видел таких старушек, как Аида Серафимовна, чтобы сделать надлежащие выводы. – От какой двери был ключ? – спросил он.

– Ни от какой, – буркнула Дарья Альбертовна и уставилась в ясные глаза дотошного следователя. Говорить, от чего этот ключ, ей очень не хотелось, ибо она понимала, во что это может вылиться. Но выхода у нее не было – все равно докопаются. – Это был ключ от сейфа, – обреченно ответила она.

Услышав столь немаловажную подробность, вся следственная группа замерла и обратила внимание на Дарью Альбертовну, отчего той сделалось совсем не по себе.

– И где он теперь? – последовал вопрос Тихомирова после некоторой паузы.

– Не знаю. В доме я нигде ключа не находила.

– Вы хорошо искали?

– Хорошо. У меня в доме всегда порядок и ни одна вещь не на своем месте лежать не будет, даже соринки нигде нет, а вы говорите «ключ», – гордо заявила хозяйка.

Вокруг и в самом деле был идеальный порядок, даже тапки погибшей у кровати стояли ровненько, немного заступая с краешка набивного коврика.

– Аида Серафимовна аккуратно складывала свои вещи? – поинтересовался следователь, обратив внимание на тапки у кровати.

– Угу. Как же! Разбрасывала, где хотела. А ты ходи за ней следом и убирай!

– То есть это вы тапки так ровно поставили? А говорили, что ничего не трогали.

– Я и не трогала. Просто убрала на место, – недовольно заметила Дарья Альбертовна. Ей не понравилось, как с ней разговаривает следователь. Пришел к ней в дом в грязных ботинках и еще диктует, что ей трогать, а что нет.

– Может, вы еще что-нибудь «убрали на место»? Вспоминайте, это важно.

– Да ничего вроде. Мама легла не раздеваясь, поэтому все вещи были на ней. Вот только тапки сбросила. Ну еще, когда вечером я маму укрывала, цветы немного сдвинуть пришлось, чтобы не помять.

– Кстати, откуда розы и почему их четыре? Букет был в доме или его кто-то принес?

– Не знаю. Я сразу даже об этом не подумала. Мама любила цветы, и они часто бывали у нас в доме. Она их сама себе заказывала по телефону, как будто бы от поклонников. Но это обычно происходило в городской квартире, а здесь... А правда, откуда взялись цветы? – спросила Дарья Альбертовна следователя, словно он знал ответ. – Может, мама на дачу заказала себе букет. А что, Разметелево от города недалеко. Приехал курьер и убил ее.

Илья Сергеевич только вздохнул – неизвестно откуда взявшиеся розы своим траурным количеством явно указывали на недобрые намерения дарителя. Вряд ли преступление совершил случайный человек вроде курьера. У него должны были быть какие-то связи с погибшей.

– Услугами какого цветочного салона обычно пользовалась Аида Серафимовна?

– Да разных. Чаще всего «Фанфан-тюльпан» и «Романтик».

– Цветы обычно доставляют в упаковке и оставляют квитанции. Вы их не находили?

– Нет вроде, – помотала головой хозяйка.

– Вот что у нас получается. Вполне возможно, что она не сама легла на диван, а ей помогли. И цветы сверху положили. Вспомните, где лежали ее тапки?

– Около кровати валялись. Один тут, другой – там, – указала Дарья Альбертовна в разные места. – Мама всегда так разувалась – небрежно сбрасывая обувь с ног. С одеждой дела обстояли так же. Это из-за того, что она когда-то играла китайскую принцессу, которая раздевалась, а за ней шли слуги и подбирали вещи. Спектакль прошел лет тридцать назад, а я до сих пор вместо прислуги ее шмотье подбираю. Подбирала, – поправила себя Дарья Альбертовна, горестно вздохнув.

– Ясно. Помогли преступнику скрыть улики. Может, вы еще отпечатки пальцев отовсюду стерли? Пыль когда в последний раз протирали? – строго спросил Илья Сергеевич.

– Перед Новым годом, во время генеральной уборки. На веранде чисто обычно, вот я и не протирала.

– Ну слава Богу. Что там с отпечатками? – обратился Тихомиров к эксперту.

– Не густо. Но кое-какие есть, – отозвался тот.

– Где сейф, от которого был ключ у Аиды Серафимовны, и что в нем хранится? Он в этом доме? Нам надо его посмотреть.

– Сейф в нашей квартире, в городе. Обычно мы там живем, только на праздники на дачу приехали. А что хранится? Да как бы это сказать... – замялась хозяйка, прикидывая, во что обойдется ей ложь и во что правда. – Вещица одна семейная. «Яблоко раздора».

* * *

В этой квартире на Песчаной улице кроме Дарьи Альбертовны и Аиды проживали еще трое: Томила со своим сыном Денисом и ее младший брат Владимир. Когда следственная группа вошла в квартиру, там находились все ее жильцы, кроме Дениса и почившей Аиды Серафимовны. Мальчика спешно отправили к тетке, чтобы оградить его нежную психику от общения с полицией. Дарья Альбертовна отвезла Дениса Ярославле, а затем вместе со следственной группой поехала домой показывать сейф. Как только они всей толпой ввалились в просторную прихожую «сталинки», в ней сразу стало тесно. У входа топталась испуганная Томила – ее не предупредили о приезде полиции и она стояла с плохо уложенными волосами и в некрасивом халате из застиранной байки. Утром, еще до приезда на дачу следственной группы, ей позвонила Дарья Альбертовна и сообщила о смерти Аиды. О том, что по этому поводу будет возбуждено уголовное дело, тогда известно еще не было. Сейчас Томила не понимала, что происходит.

– Тихомиров Илья Сергеевич, следователь прокуратуры, – представился один из вошедших, статный породистый мужчина около сорока лет.

– Томила Пеганова, – представилась Тома, смущенно отводя глаза. Мужчина был в ее вкусе, и если бы не его профессия, обещавшая неприятности, ее фантазия тут же нарисовала бы романтическое свидание с этим красавцем, перетекающее в счастливую совместную жизнь. Но, несмотря на то что Тихомиров явился отнюдь не с личным визитом, перед глазами Тома нет-нет да возникал вечер при свечах и просачивались в голову картины последующей семейной идиллии, отчего ей стало совсем неловко и стыдно за свой «разобранный» вид.

– Мам, что же ты не предупредила, что не одна приедешь? А то у нас не убрано...

– Так убрала бы! – перебила ее Дарья Альбертовна. – Целый день дома сидишь, тряпку в руки не возьмешь.

– Я сейчас! – ринулась Тома в комнату, обрадовавшись предлогу, но не за тряпкой, а чтобы привести себя в порядок.

– Никуда не уходите, – приказал Илья Сергеевич. – Кто-нибудь еще дома есть?

– Да, брат, – ответила Томила.

Володя, как обычно, сидел за компьютером. Он ничего не слышал в своих наушниках, неотрывно глядя на экран, где разворачивались нешуточные боевые действия. Молодому человеку не было никакого дела ни до преждевременно вернувшейся с дачи матери, ни до кончины бабушки, ни до визитеров, он был занят важнейшим делом – прохождением пятого уровня игры «Покорение Джомолунгмы». Пятый уровень, он же последний, удалось пройти только двум игрокам в городе, двенадцати в России и тридцати четырем в мире. Если он пройдет, то станет тридцать пятым. Тридцать пятый – это очень почетный титул, которым можно гордиться.

Оторваться от игры ему все же пришлось. Вошедший незнакомый мужчина без лишних церемоний отключил питание на сетевом фильтре, отчего экран мгновенно погас. Сколько раз мать пыталась вытащить его из-за компьютера, а все тщетно! Ничего не помогало: ни просьбы, ни угрозы, ни шантаж – что бы ни произошло, Володя продолжал таращиться в экран, на любую просьбу раздраженно отвечая «шас». Оказалось все просто: одно движение – и парень вернулся в реальность, по крайней мере, он отвел взгляд от экрана и был готов слушать.

Володя изумленно уставился на оперативника, пытаясь понять, кто он и чего ему надо, а также почему он чувствует себя хозяином положения. Так жестко дома с ним никто не обращался.

– Капитан Зозуля, – протянул удостоверение Леонид. – Прошу взять паспорт и выйти ко всем в гостиную.

Володя не заставил себя долго ждать. Он давно понял, что выбрасывать коленца можно только перед близкими – никто больше цацкаться с ним не станет, а этот капитан, если начать артачиться, может и по шее дать.

В гостиной на широком диване в ряд сидели Дарья Альбертовна, Томила и соседи из квартиры напротив: Зоя и Петр Суховы. По квартире шныряли чужие люди, один из которых командовал.

– Значит, ключ от сейфа был только один? Вы в этом уверены? – недоверчиво спросил следователь у Дарьи Альбертовны. Та закивала головой.

– Что же, будем вскрывать.

– Но как же?! – привстала с дивана Дарья Альбертовна, пытаясь защитить свое имущество. Она представила, как сейчас вместе с сейфом ей разворотят полстены и намусорят на ковре.

– Андрей, начинай! – велел Тихомиров своему сотруднику, не обращая внимания на протест хозяйки.

Пока Андрей возился с вмонтированным в стену металлическим ящиком, обитатели квартиры и соседи-понятые, затаив дыхание, следили за его действиями. Особенно волнительным момент вскрытия сейфа был для супругов Суховых. До сегодняшнего дня они не знали,

что их соседи – богачи, наворовавшие кучу денег. Конечно, они нечто подобное подозревали – даром, что у Дарьи Альбертовны новая шуба из норки, а Аида бриллиантами в ушах щеголяла, да и сын Дарьи – Володя, здоровый бугай, нигде не работает, а его кормить надо. На что же они так широко жили – этот вопрос Зою Сухову мучил давно. А вот, оказывается, на что – на грязные деньжата. К честным людям полиция с обыском не приходит. Теперь-то им хвост прижмут. И поделом!

Дарья Альбертовна сидела как на иголках с застывшей на лице сердитой гримасой. Она уже смирилась с грязью, которую принесли на своей обуви визитеры, и с изуродованной стеной, которую пока что никто и не думал уродовать – Андрей работал аккуратно. Женщина не могла спокойно думать о том, что всю эту малоприятную процедуру наблюдают соседи. А уж они-то по всей округе языками растреплют, такого наговорят – во двор будет неудобно выйти. Дарья Альбертовна искоса посмотрела на довольное лицо Зои и убедилась: как пить дать растреплют!

Томила совсем сникла. Переодеть халат и причесаться ей так и не дали, и теперь пришлось перед чужими людьми пребывать в nepотребном виде.

Володя сидел насупившись. Он по-барски вытянул ноги и в знак протеста скрестил руки на груди – проходить пятый уровень теперь придется заново.

– Готово! – сообщил Андрей, открывая сейф.

– Снимите крупным планом, – велел Тихомиров оператору. Следователь заглянул в сейф, но задерживаться около него не стал, давая возможность подойти специалистам.

– Понятые, прошу обратить внимание, – Илья Сергеевич жестом пригласил Суховых приблизиться к сейфу. Услышав команду, соседи с готовностью вскочили с дивана и ринулись к металлическому ящику. К их великому разочарованию, сейф оказался пустым.

– Еще раз вспомните по минутам, что вы делали весь день вчера и сегодня до нашего приезда, – попросил Илья Сергеевич.

Дарья Альбертовна продолжала держаться бодрячком, хотя этот день для нее, как ни для кого другого, уже изрядно затянулся. Казалось, что она двуязычная, что было недалеко от истины: чтобы возглавлять их непростую семью, надо быть весьма сильной женщиной – не только морально, но и физически. На вопросы она отвечала коротко и неохотно, но все же отвечала и, как показалось Тихомирову, по мелочам не врала, а по-крупному... Сразу и не поймешь, говорит ли свидетельница правду или нет.

Одновременно были допрошены и другие члены семьи. Картина складывалась следующая. С шеи пожилой женщины был сорван ключ от сейфа, после чего из последнего исчезла фамильная драгоценность – золотое яблоко. Преступление мог совершить любой член семьи, кто был на даче в тот день: Лакришева Дарья Альбертовна, Лакришев Руслан Альбертович, Лакришева Ярослава Руслановна, Пеганова Томила Игоревна. У всех них были ключи от квартиры на Песчаной, хоть Ярослава и Руслан там не жили. Хозяйка квартиры Дарья Альбертовна им доверяла – как-никак родня. Она, может, и не стала бы им оставлять ключи, если бы не Аида – когда в доме пожилой человек, необходимо, чтобы в случае чего родственники имели возможность попасть в квартиру и оказать помощь. Аида умерла днем третьего января. На вскрытие сейфа у преступника были почти сутки. Все фигуранты, кроме Дарьи Альбертовны, уехали с дачи вечером третьего января – Томила с Ярославой вместе, а Руслан уехал один и немного раньше остальных, поэтому ему удобнее всех было забрать драгоценность. Томила вечером покидала квартиру – ходила в магазин, поэтому у Ярославы тоже была возможность незаметно прийти и вскрыть сейф. И Дарья Альбертовна могла приложить руку к преступлению, если не в похищении яблока, то в убийстве матери, а сейф вскрыл ее сообщник, которому она передала ключ. Владимир Лакришев в тот день на дачу не приезжал. По его словам, он все дни сидел дома, изредка выходя за пивом. Его за этим занятием никто не видел, а значит, алиби у него нет. Но то, что родственники не видели его в дачном доме, вовсе не означает,

что он там не появлялся. Веранда, на которой было найдено тело Аиды Лакришевой, имеет отдельный вход, и поэтому попасть туда незамеченным находящимися в доме людьми можно. Тогда получается, что круг подозреваемых гораздо шире – проникнуть на веранду и сорвать ключ с шеи Аиды мог кто угодно. Но поскольку дверь городской квартиры открывали только ключами, то человек, вскрывший сейф, не совсем посторонний: либо это тот, у кого есть ключи от квартиры, либо тот, кого впустили хозяева.

Аида Лакришева была хранительницей золотого яблока как самый старший член семьи. Ключ от сейфа был только у нее, и она его упрямо носила на шее. Никто, кроме нее, не дорожил фамильной драгоценностью, все считали блажью владеть дорогой вещью и не получать от этого никакой выгоды – ни моральной, ни материальной. Лежит яблоко, а его ни людям показать, ни самим посмотреть, поскольку Аида не позволяла к нему прикасаться.

Следующим по старшинству был сын Аиды – Руслан Лакришев. Это наталкивало на мысль, что он мог пожелать ускорить приближение того момента, когда станет хранителем. А он нашел бы применение фамильной реликвии, и никто бы ему слова поперек не сказал. А если бы и сказал, то было бы уже поздно. Продал бы яблоко, а чтобы заткнуть рты родственникам, отстегнул им, сколько не жалко – все равно судиться с ним свои не стали бы, так как занятие это хлопотное, и опять же, пришлось бы выносить сор из избы, а это, как понял Тихомиров, у Лакришевых не принято.

Дарья Альбертовна женщина практичная, и, похоже, она тоже была бы не прочь поправить бюджет за счет продажи яблока. Она давно хотела обновить мебель на даче и сделать там хороший ремонт. У нее был дополнительный мотив – как это ни кошунственно звучит, избавиться от матери. У Аиды с возрастом все явственнее стали проявляться признаки старческого маразма. Бывшая актриса и раньше была не подарком, а с годами вовсе стала невыносимой. Кому довелось столкнуться с подобной проблемой, тот знает, как тяжело жить вместе с неуравновешенным пожилым человеком. Такое проживание отравляет жизнь, превращая ее в сущий ад. Капризный старик требует внимания больше, чем младенец, но если младенец вызывает умиление, то старик раздражает и выматывает силы. Порой его хочется задушить или сдать в дом престарелых, но сделать это не позволяет совесть. Стыдясь своих мыслей, родственники втайне надеются, что он скоро умрет, а когда наконец его забирает смерть, искренне горюют и носят траур. Больше всех от капризов Аиды страдала Дарья Альбертовна – она взяла на себя труд ухаживать за матерью, в то время как другие члены семьи – сын и внуки – под различными благовидными предлогами от столь нелегкой обязанности отмежевались. Дарья Альбертовна сама уже немолодая, и у нее нервы не железные – однажды могли подвести. Не выдержав очередного представления, в состоянии аффекта она задушила мать, а теперь пытается отвести от себя подозрения.

Внуки Аиды – Владимир, Ярослава и Томила – тоже не отказались бы обогатиться. Томила одна растит ребенка, и ей деньги нужнее, чем остальным. Владимир – безработный молодой человек двадцати трех лет – находится на иждивении матери и, кажется, ни в чем не нуждается. Его кормят, а новая одежда ему не нужна – зачем она, если он нигде не бывает и ничем не занимается, кроме игры в компьютерные игрушки. Но мальчик растет, и у него наверняка появляются желания, для реализации которых необходимы деньги. Хотя бы для того, чтобы купить новую игровую приставку или гаджет, не говоря уж о более дорогих вещах.

Ярослава, несмотря на молодой возраст, устроена в жизни лучше остальных. У нее хорошая работа, отдельная квартира и автомобиль. Вроде бы она в деньгах не нуждается, но, с другой стороны, чем больше имеешь, тем больше хочется: автомобиль не той марки, квартирка не столь просторная, шубка из старой коллекции. Словом, жемчуг мелковат.

Ярослава – отнюдь не простая личность и производит неоднозначное впечатление. Она удивила Тихомирова одним своим намерением относительно золотого яблока. Следовательно задумался, вспоминая беседу с Лакришевой-младшей.

– Зачем так кардинально – сразу в Неву бросать? Может, лучше продать? Деньги, поди, на дороге не валяются, – уговаривал Илья Сергеевич, глядя на свою собеседницу пронзительным взглядом.

– Не валяются, – согласилась она, – но мне таких денег не надо, добра от них не будет. А если понадобятся деньги, я их заработаю.

Эта, пожалуй, заработает, – решил следователь, – на «Ситроен» ведь заработала, и сережки с изумрудами, небось, тоже сама себе купила, – несмотря на то что распущенные по плечам каштановые волосы Яси густой волной скрывали ее уши, Тихомиров разглядел серьги с изумрудами. Он хорошо знал породу женщин, к которой принадлежала Ярослава Лакришева: молодая, хваткая, независимая. Первое образование филолог, второе – экономист. Работает аудитором, живет в отдельной квартире, которую купила сама. И это в двадцать шесть лет! Люди за всю жизнь на комнату скопить не могут, а она квартирой обзавелась. Правда, с первым взносом ей помог отец – Руслан Альбертович. Что и говорить, приткая девочка. Хотя какая она ему девочка? Сам еще нестарый, чтобы всех девочками и мальчиками считать. Ярослава – дама. Молодая, деловая дама. Неброский макияж на не лишенном красоты лице, изюминкой которого является ямочка на подбородке; аккуратная прическа и маникюр, шерстяное серое платье, на шее стильное украшение из серебра. Речь правильная, лаконичная, без вспомогательных слов вроде: «просто», «ну вот», «вообще», «по ходу» и им подобных. Осанка ровная, взгляд прямой, даже острый, как стрела. Она не смотрит, а бросает вызов. Что же, понятно – привыкла бороться. Чтобы без чьей-либо протекции в жизни устроиться, нужно иметь бойцовский характер.

– А может, все-таки вы его продали? Почто ценностями разбрасываться? Стянули у бабушки ключ и вскрыли сейф, а? Ну, или на самом деле выбросили в Неву, а может быть, в Оккервиль, но это дело не особо меняет, важно, что это сделали вы.

– Еще раз вам повторяю: я ключ не брала и сейф не вскрывала, – твердо произнесла Ярослава и сердито сверкнула глазищами. – Если бы у меня была возможность, то я давно избавила бы нашу семью от этой проклятой фамильной драгоценности, из-за которой были одни ссоры. Золотое яблоко их словно к себе притягивало. Но в данном случае это сделала не я.

В чем было трудно не согласиться с Ярославой, так это в том, что в ее семье была тяжелая атмосфера. Это Илья Сергеевич уже успел понять за то недолгое время, пока общался с Лакришевыми.

О том, что Ярослава хотела швырнуть золотое яблоко в реку, Тихомиров узнал, когда допрашивал ее сестру. Он не понял, нарочно ли Томила это сказала или проговорилась случайно. Особой любви к Ярославе она не питала, как и к другим своим родственникам – это было заметно сразу по ее равнодушному тону. Ненависти она ни к кому тоже не испытывала. Равнодушие и раздражение – вот те чувства, которые вызывала у нее родня. Лишь только когда речь заходила о сыне Денисе, голос Томилы теплел. Но она не была матерью, бесконечно обожающей своего ребенка, – любовь Томилы к Денису была спокойной, больше похожей на обязанность.

Томила Пеганова. Эта женщина казалась уставшей не только от работы, но и от жизни. Она даже за время затяжных рождественских выходных ни капли не отдохнула, напротив, они утомили ее больше работы. Ей бы бросить все и отправиться в путешествие туда, где жаркое солнце и теплое море. Но у нее нет на это ни денег, ни даже желания. Томила производила впечатление особы, не способной к действию. Казалось, она вообще совершенно ни на что не способна, разве что монотонно выполнять заданную программу: дом-работа-дом. Этакая вялая вобла с унылым взглядом. Поэтому Тихомирову пришлось сделать над собой усилие, чтобы не вычеркнуть Томилу из списка подозреваемых. Внешностью Бог ее не обидел: глубоко посаженные зеленые глаза, длинные ресницы, высокие скулы, пухлые губы, хорошая фигура: пышная грудь, широкие бедра и узкая талия – лет тридцать назад такая фигура считалась идеальной.

Похоже, она стеснялась своих женственных форм и прятала их под свободную одежду покроя «унисекс»: кофточку или свитер навыпуск и джинсы. Томила, как пятиклассница, собирала свои короткие волосы незамысловатой резинкой в жидкий хвостик. Косметикой она не пользовалась, по крайней мере, Илья Сергеевич ни разу не увидел даже следов помады на ее губах. Она будто бы задалась целью сделаться незаметной для мужчин, притворившись одним из них. У Томили даже походка была какой-то мужской, но все равно Тихомиров сумел разглядеть в ней природную привлекательность. Ему нравились женщины в теле, вроде Томили, а не ходячие вешалки, улыбающиеся одинаковыми отбеленными улыбками со страниц журналов и с телеэкрана. Томила определенно была красивой, но свою красоту она скрывала неподходящей одеждой, прической и отсутствием макияжа. Но больше всего ее портили глаза – красивые, но совершенно пустые. Томила словно бы отсутствовала в этой жизни.

* * *

Тома закрыла страницу своего любимого форума. Назвать его любимым было бы не правильно, так как она этот форум не любила, как и всех тех, кто на нем общался. Но она каждодневно туда заглядывала и читала все темы и комментарии. Форум назывался «Сообщество успешных и позитивных женщин», о чем свидетельствовала надпись в его профиле, которой противоречила каждая его тема. Участники форума писали о проблемах и ни о чем больше. Одна из дам бросала кость: «Моя знакомая после общения на сайте знакомств пришла к выводу, что мужик нынче обмельчал. Я с ней согласна, мужик действительно обмельчал – нынче у него ни манер, ни денег, ни ума...» Или же: «Тридцатилетняя дочь моей двоюродной тети совершенно не хочет работать. Как заставить ее подняться с дивана?» В комментариях велись горячие споры, щедро раздавались советы, сочувствия. Каждая вспоминала случай из жизни своего окружения. Особенно горячей на форуме была тема про мужчин, о том, что в России они в жутком дефиците, и поэтому женщинам – всем как на подбор умницам и красавицам – приходится куковать в одиночестве.

Томила упивалась чтением и радовалась, что у нее не все так уж и плохо в жизни и она не такая неудачница, как некоторые клуши с форума. Тома, как губка, жадно впитывала негатив и постоянно себя накручивала. «В стране не хватает детских садов, – читала она. – Чтобы устроить ребенка в сад, приходится еще до его рождения занимать очередь, а потом еще платить заведующей». Как плохо мы живем! Какой ужас! И не важно, что у самой сын школьник. Все равно ситуация с детскими садами ее нервировала. «Под Магаданом из-за плохих погодных условий закрыли аэропорт. Люди вторые сутки сидят на чемоданах. У многих уже закончились деньги, а цены в буфетах аэровокзала взлетели втрое». Томила никогда не была в Магадане и не собиралась туда лететь, у нее не было там ни родственников, ни знакомых. Более того, она вообще не собиралась ни в какое путешествие в ближайшее время: ни самолетом, ни поездом. Но задержки рейсов в Магаданском аэропорту ее всерьез обеспокоили. Тома так и представила себя в холодном Магадане, сидящей на сумке и ждущей, когда же объявят посадку на ее рейс. Рядом притих оголодавший Денис. Она подсчитывает оставшиеся рубли и идет в буфет, чтобы купить ему бутерброд, но бутерброды закончились, осталось только печенье, и то за бешеные деньги. Кто-то сетует на нехватку парковочных мест, и Томила туда же: да, парковок не хватает, и это ужасно! А у самой нет и никогда не было автомобиля.

Какие бы неприятности ни случились: семейные неурядицы, лесные пожары, коммунальные бедствия – все они выплескивались на страницы форума. Томина жажда чтения негатива была сродни той, с которой люди внимают новостям о катастрофах. Разбился самолет, и всем интересно, какой урожай собрала смерть. Каждое сообщение о новых жертвах будоражит народное сознание, хочется услышать больше подробностей, и чем они страшнее, тем лучше. Комментаторы стараются: еще одна жертва, и теперь не сто восемь, а сто девять чело-

век погибло! Сто девять человек – какой ужас, смакууют граждане, радуясь, что они не там, на поле в искореженном металле с переломанными костями, а здесь, в комфорте и благополучии, целые и невредимые.

Сегодня на форуме обсуждалась наиболее горячая тема разлучниц. Тема для Томилы была особенно близкой. «Разлучницы и чужие дети», – прочитала она заголовок. «А вы знаете, что ваш ребенок может разрушить семью разлучницы не хуже, чем она в свое время разрушила вашу семью? – писала одна дама. – Подумайте только: живут любовники, не зная ни забот, ни печали, и вдруг как снег на голову им приводят малыша, которому придется уделять внимание. Причина передачи ребенка на время в новую семью отца может быть разной (срочная командировка матери, ее внезапный отъезд и т. д.). Хотя ребенок к любовнице вашего бывшего мужа не имеет никакого отношения, ухаживать за ним придется именно ей. Представляете, как ей это «понравится»? Надо иметь крепкие нервы, чтобы в такой ситуации не устроить скандал. А она его устроит. И тогда ваш благоверный посмотрит на свою белую и пушистую зазнобу новыми глазами и поймет, от какого ангела он ушел».

Совет Томиле показался чудовищным: спекулировать собственными детьми?! Никогда! Но остыв, она свою точку зрения поменяла.

А что, это идея, подумала Тома. Ничего плохого не случится, если Денис некоторое время поживет с отцом. Это будет хорошо со всех сторон. Особенно для Дениса. Не нужно, чтобы он находился в доме, где висит тяжелая атмосфера похорон. Все эти обсуждения смерти и походов к следователю с последующими предположениями о том, что кто-то из своих мог убить Аиду, не для детских ушек. Денис уже в том возрасте, когда все понимает, а если чего и не понимает, то чувствует. Хотя они и стараются при нем не говорить на взрывоопасные темы, все равно общее настроение скрыть не удастся.

Коля все время ворчит, что его ограничивают в общении с сыном? Вот и пообщается вдоволь, заодно узнает, как оно – ребенка растить. Дениска – тот еще оболтус – даст прикурить. И тогда Сазоновой жизнь медом не покажется – вмиг с ее личика слащавая маска спадет. Это не раз в неделю полтора часа с ребенком погулять. Видела она однажды эту сладкую парочку: Николай и выдра Светка идут под ручку по парку, а рядом Дениска скачет. Идиллия у них, елки-палки!

Тогда-то Коленька и узнает, с какой змеей он живет. Светка взвоят от Денискиных выпадов, он нервы трепать умеет. А то, ишь, жена у него плохая, а любовница хорошая! Легко быть хорошей, когда никаких забот и хлопот, знай себе фланируй по квартире в рюшах. А попробовала бы она поработать как ломовая лошадь, да еще потом дома опять к станку: белье погладь, в квартире убери, еду приготовь, уроки проверь.

Да, согласна, она, Тома, иногда была не права: иной раз не смогла сдержать эмоции, приходила с работы с кислым лицом. Но ведь не от хорошей жизни она стала такой. Муж, когда он еще был мужем, мог бы быть внимательнее, помогать, заботиться, оградить от неприятностей, и тогда бы она была довольной. Что ему стоило давать ей свою машину? Ну хоть иногда. А то только и слышно было: ты такая нетерпимая, как такой можно быть? Сам бы пересел на метро, тогда узнал бы как.

Ко всему прочему, отправкой Дениса к отцу она решит еще одну задачу, над которой давно ломает голову, – как, не привлекая к себе внимания, проникнуть на вражескую территорию, в квартиру Сазоновой?

Санкт-Петербург. Лето прошлого года

Бывает так, что вокруг много народу, даже слишком много – и дома, и на улице, так, что невозможно уединиться, и при этом ощущаешь одиночество. Близкие не понимают, друзья все вдруг оказываются поглощенными своими делами и не получается даже телефонного

разговора. Закрадывается мысль, что и нет никаких друзей, потому что им нет до тебя дела, а есть приятели – люди для чашки чая. Именно так чувствовала себя Томила. Ей казалось, что она никому не нужна и не интересна, в то время, когда ей очень требовалось общение. Не найдя понимания в реальном мире, Тома отправилась на его поиски в мир виртуальный. Начала она с социальных сетей.

С одноклассниками общаться совершенно не хотелось. Ни с кем из них в школьные годы Томила не дружила, поддерживала приятельские отношения, которые были скорее прохладными, чем теплыми. Поэтому надеяться на то, что завяжется дружба, теперь не стоило. Тома стала заглядывать на страницы бывших одноклассников из любопытства, чтобы узнать, кто кем стал и как устроился в жизни. Что бы ни говорили, а социальные сети – очень удобная вещь. Можно справиться о жизни своих знакомых инкогнито, не обнаруживая своего интереса к ним. Сделать это быстро, без вымученного телефонного звонка и разговора ни о чем с брошенными невзначай главными вопросами. Не нужно потом объяснять свой звонок внезапно нахлынувшей ностальгией и желанием поздравить с Новым годом. И никто не спросит: «Почему ты вдруг обо мне вспомнила?» И не придется в ответ говорить, что просто от того, что настроение хорошее. В «Одноклассниках» были почти все ее одноклассники. Замелькали знакомые лица, в памяти стали возникать картины из прошлого. Вот первый красавец школы – бас-гитарист из школьного ансамбля Васька Мухин. По нему вздыхали все девчонки, а Томила со своей заниженной самооценкой не смела о нем даже и мечтать. Теперешний Мухин представлял собой упитанного мужчину с малопривлекательным лицом любителя алкоголя. Судя по фотографиям, он был женат и имел двух дочерей, но по-прежнему пользовался популярностью – его стена пестрела надписями от подруг. «И что они в нем нашли? – удивилась Тома. – И что я в нем тогда нашла? Спасибо, Господи, что отвел». Ей стало интересно, как сейчас выглядит Лена Мальцева, признанная королева красоты класса. За ней бегали все мальчишки и она победила в районном конкурсе «Мисс улыбка». Тома набрала в поисковике ее имя и уже через минуту листала фотографии Лены. В нынешней Лене признать красавицу уже было сложно. А вот совсем не популярная девочка Рита выглядела привлекательно, даже лучше, чем в шестнадцать лет: лицо, фигурка – все в порядке. Отличница Катя Воробьева смотрелась так себе, но она и раньше красотой не блистала. Судя по тому, что Катя указала место работы, она им очень гордилась – администратор магазина «Одуванчик». Тома не считала свою работу великим достижением, и если не стеснялась ее, то уж точно не хвасталась, ибо, как она рассудила, хвастаться там нечем. Она не указывала в своем профиле никаких подробностей, написала только свое имя и выбрала самую удачную фотографию семилетней давности, на которой выглядела счастливой.

Пересмотрев всех своих знакомых, Томила осталась довольна – завидовать было некому. В полном удовлетворении она хотела уже покинуть сайт, как вспомнила еще про одного человека.

Когда Томе было двенадцать лет, среди ее сверстников была популярна переписка. Нет, не электронная, поскольку тогда мало кто знал о существовании Интернета и электронной почты, а домашние компьютеры были редкостью. Писали друг другу письма на бумаге, запечатывали их в конверты, которые опускали в почтовые ящики, развешенные по городу. В их двор на лето к бабушке приехала Ксюша из Самары, мокнуть под дождем и ходить по музеям. В ее Самаре лето было куда теплее, но все равно девочка очень радовалась поездке в Северную столицу и с блестящими глазами гуляла по городу, а вечером местной детворе взахлеб рассказывала, как много она увидела за день. Они с Томой не то чтобы очень подружились, но часто гуляли вместе. В конце лета Ксюша оставила свой адрес для переписки. Тома ревностно заметила, что Ксюшин адрес записывает не только она, но и еще две девочки из их дворовой компании.

Сначала это были коротенькие записки вроде: «Привет! Как у тебя дела? Какая у вас погода? У нас погода хорошая, только вчера шел дождь. Шлю тебе календарик с цирком и

вырезку из журнала. Все, пока! Пиши! Жду ответа, как соловей лета!» Самым ценным в таких письмах были вложенные в конверт календарики. Вырезки ценились меньше, вернее, не ценились совсем, за исключением случаев, когда они представляли собой нечто очень интересное. Томиле было недостаточно написать только про погоду, она разворачивала ответ на формальный вопрос «как дела» на три листа. В них были размышления и переживания обо всем том, чем поделиться, кроме бумаги, было не с кем. И не потому, что Ксюша стала для нее задушевной подругой. Томе казалось, что Ксюша умеет слушать – читает ее письма и отвечает на них. Пусть коротко, как умеет, незначительными фразами о погоде, но все же отвечает. Положа руку на сердце, Томе больше нужно было написать письмо, чем получить на него ответ. Писала она часто – каждую неделю. Ждать письма было приятным занятием. Каждый раз, возвращаясь из школы, она проверяла почтовый ящик и радовалась, когда среди газет находила конвертик, подписанный аккуратным почерком Ксюши. Тома торопливо поднималась на свой четвертый этаж, быстро сбрасывала обувь и верхнюю одежду, спеша уединиться, чтобы никто не помешал вскрыть конверт, чтобы получить удовольствие от извлечения из него исписанного тетрадного листочка и отыскать календарик с цирком. Читая письмо, она представляла, что напишет в ответ, подробно, на три листа распишет, как у нее дела. Хотелось сразу же взяться за ручку и писать. Тома так и поступала и уже вечером шла к дому на углу, где висел почтовый ящик. Ее пальчики опускали в щель толстый конверт, при этом Тома, оглянувшись, шепотом приговаривала: «Лети быстрее, найди адресата точнее». Отправление письма тоже было своего рода удовольствием, и чтобы ощутить его наиболее полно, в процесс не должны были вмешиваться посторонние – ни домашние, оказавшиеся рядом во время запечатывания конверта, ни случайные прохожие на улице возле ящика.

Переписка с Ксюшей продолжалась около двух лет, потом постепенно стала угасать и прекратилась совсем. За это время Томила успела рассказать обо всем: о непростых отношениях в семье и в школе, о своих мечтах и девичьих тайнах.

Ксюшу Тома видела всего два лета. Потом ее бабушка умерла, и девочка больше никогда к ним в город не приезжала. Она запомнила Ксюшу худенькой, с двумя рыжими косичками, одетую всегда в аккуратные платьица. Какой она стала теперь, Тому не особо интересовало, но она все равно стала ее искать. Набрала в строке поиска «Ксения Логунова, Самара». Такая нашлась одна, только «Логунова» стояло в скобках, Ксюша стала Морозовой. Замуж вышла – заключила Томила. Открыв ее страницу, она сразу нашла подтверждение своим домыслам – статус Ксении был обозначен как «замужем». Ксюша была по-прежнему худышкой, только уже без кос. Немного фотографий, немного друзей и все женского пола, информации минимум – Ксюша, как и раньше, откровенностью не отличалась. Ксюша, безобидная Ксюша, доверенное лицо ее детства. Она не была потенциальной соперницей в эстафете жизни, в отличие от одноклассников, при встрече с которыми неизбежно возникает желание спрятать свои неудачи и выставить напоказ достижения. Ксюша оставалась все той же заочной подругой, которой, как железнодорожному попутчику, можно доверить сокровенное.

Томила написала короткое сообщение: «Привет! Как дела? Это Тома Лакришева». Она назвала свою девичью фамилию, потому что как Пеганову Ксюша ее не знала. Уже через час Тома получила ответ. «Привет, Тома! Я тебя помню. Как хорошо, что ты меня нашла. У меня все хорошо, у меня есть муж и дочка двух лет. Как ты?»

На мгновение Томе почудилось, что ей снова двенадцать лет и она держит конверт с письмом из Самары. В нем лежит календарик, но ее он не интересует, самое важное впереди – прямо сейчас она начнет писать ответ, делиться накопившимися мыслями и переживаниями.

Подумав, Томила написала: «У меня все нормально. Сын в третий класс пошел». Нет, не сможет она быть такой же откровенной, как в детстве. Как бы ни хотелось участия, а душа стала уязвимой, и она больше не открывается нарастающе.

Самара

Третий год четыре стены, двор, детская поликлиника и продуктовый магазин. Муж Дима все время пропадает на работе, поэтому помощи от него, кроме материальной, никакой. Все, что он делает, так это купает Дашку. Эти несколько минут, пока дочка плескалась в ванне, Ксюша ценила больше всего на свете. За это время можно было быстренько подпилить ногти, сделать эпиляцию или нанести на волосы репейное масло. Все вместе сделать не получалось, купального времени хватало только на что-то одно. Такой порядок в их семье был заведен по умолчанию изначально: он – добытчик, она – хранительница домашнего очага. Поэтому все, что касалось дома и ребенка, ложилось на ее хрупкие плечи. Не успеваешь управляться – твоя проблема, значит, ты плохая хозяйка, жена и мать. Пока не было Дашки, Ксюша успевала все: и дома прибрать, и ужин из разносолов приготовить, и себя в порядок привести – сходить в салон на маникюр и в солярий. При этом она еще и работала. Правда, работа была недалеко от дома, поэтому времени на дорогу уходило мало. Эти времена Ксюша вспоминала как самые счастливые из своей семейной жизни. Нет, было еще свадебное путешествие в Геленджик, но оно было настолько давно и таким чудесным, что казалось какой-то другой параллельной реальностью.

На последних месяцах, когда она носила Дашу, ей было тяжело ходить и нагибаться. Неуклюжее беспомощное состояние ужасно надоело и хотелось поскорее разрешиться. Окружающие умудренные опытом женщины говорили, чтобы она радовалась и отдыхала, пока есть возможность, иначе потом, когда дитя появится на свет, не будет свободной минутки. Ксюша не верила. Раньше у нее энергии было хоть отбавляй, это беременность ее превратила в сонную муху. Так что стоит только родить, как она вновь станет энергичной и все-все успеет. В роддоме Ксюша смотрела на подаренный подругой на Восьмое марта шелковый халатик и мечтала скорее его надеть. Халатик стал еще одним стимулом скорее обрести прежние формы.

Первые полгода пролетели как один день. Ксюша могла пересчитать по пальцам, сколько раз за это время смогла вымыть голову. И то на бегу, не успевая как следует выдержать на волосах бальзам. Мама болела, поэтому рассчитывать на ее помощь не приходилось. Свекровь была бодрой и еще довольно-таки молодой женщиной. Но она принципиально не возилась с внучкой. «Сами родили, сами и воспитывайте!» – заявляла она, собираясь на вечерний спектакль. Ксюша не обижалась – как ни крути, а свекровь права. Она свое отработала. Свекрови пришлось куда тяжелее – без одноразовых подгузников, стиральной машины и даже без горячей воды. Когда родился Дима, его родители жили в старом доме, где не было горячей воды. Чтобы постирать или помыться, нужно было согреть воду в чайнике на плите и расходовать ее экономно: сначала стирать светлое и не слишком грязное, затем в той же воде темное. В оставшейся воде, пока она не остыла, нужно было вымыть посуду. И все в тазиках на кухонном столе – в старом доме не было ванной комнаты, но зато кухня была хорошая. Не огромная, конечно, но и не малюсенькая, а хорошая, десятиметровая. На этой кухне под потолком от стены до стены были натянуты веревки, на которых сушилось белье. Чтобы с него не натекло на пол и потом не прибежали со скандалом соседи, белье нужно было тщательно отжать. Конечно же, вручную. Если это были мелкие вещи вроде маек или колготок, то Димина мама справлялась одна. Постельное белье отжать ей помогал муж. Его сильные руки ловко справлялись с двuspальными пододеяльниками и простынями, он умудрялся отжимать их почти досуха, чем очень гордился. А мать стояла рядом и приговаривала: «Ну, хватит, хватит, а то треснет». Уже не раз случалось, что он, увлекшись, рвал белье.

Свекровь любила рассказывать про свою тяжелую жизнь, и поэтому Ксюша знала ее во всех подробностях. Свекровь была родом из Кабардино-Балкарии и как истинная восточная женщина с детства была приучена к труду, выполняла работу по дому и никогда не роптала

на неустроенность быта. «В наше время никаких блендеров, микроволновок и посудомоечных машин не было. Мы все делали руками, это ваше поколение избалованное, ничего не умеете и не хотите. Стонете, если горячую воду на неделю отключат. Да у нас отродясь горячей воды не было, только в тридцать лет узнали, что это такое», – с пафосом говорила свекровь. Дима был солидарен со своей матерью. Он хоть и считал обустроенный быт благом, но слова матери были хорошим аргументом в пользу того, что с покупкой посудомоечной машины можно повременить. Мать без нее обходилась и жена обойдется.

Дима всегда был ревнивым. До свадьбы он старался прятать свою ревность, но она все равно вылезала наружу. Ксюше это нравилось. Она считала это проявлением любви и втайне радовалась, что ее так сильно любят. Подруги ее предупреждали: ревность – признак потенциальной измены. Только человек, способный на измену, подозревает в своих грехах других. Ксюша только отмахивалась: ее Дима не такой! Как ни странно, Дима продолжал ревновать ее, даже когда она ходила беременная с пузом до подбородка. И когда выходила на прогулку с Дашей, укорял в том, что она слишком фривольно одета. А уж проверить телефон и заглянуть через плечо, когда она открывала электронную почту, – это святое. Без контроля Дима не мог.

Ксюша очень обрадовалась, когда объявилась Тома. Дима оказался тут как тут. Он не мог оставить жену наедине, когда она открывала сайт «Одноклассники».

– Кто тебе пишет? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Томила из Питера. Мы с ней в детстве переписывались. Ты еще скандал устроил, когда нашел коробку с ее письмами. Помнишь?

Конечно, Дима помнил – еще бы ему не помнить. Он искал убранный за ненадобностью на верх шкафа технический справочник и наткнулся на стопку писем, адресованных жене. Письма были двадцатилетней давности и подписаны детским почерком, но это не помешало ему устроить сцену ревности. Еще не разобравшись, что к чему, Дима вспылil и обвинил Ксюшу во всех смертных грехах, но потом остыл и в знак примирения сходил в магазин за пирожными.

– А что, эта Томила по-прежнему живет в Петербурге? – равнодушно спросил он.

– Да. Она никуда не уезжала. А что ей оттуда уезжать? Она даже из своего двора никуда не переехала – район больно хороший: дома в нем по большей части сталинские, которые тогда считались самыми лучшими.

– Жалко, что квартира твоей бабушки не приватизированная была. А то бы мы тоже могли в Питере жить. Ты с Томилой связь не теряй, может, приютит на ночь, если в Питер поедем. У нее, кстати, квартира большая?

– Не знаю. Наверное. У бабули большая была, значит, и у Томилы такая же, раз жили друг над другом, – ответила Ксюша задумчиво. – Только как-то неудобно в гости заваливаться. Она мне едва успела «привет» написать, а я ее сразу огорошу, чтобы в гости ждала.

– Да брось ты. Я же пошутил, – усмехнулся Дима.

Санкт-Петербург. Январь

После очередного допроса Ярослава вышла из кабинета следователя опустошенная и потерянная. «Господи! Да когда же все это закончится?!» – мысленно взмолилась она. Руки тряслись мелкой дрожью. Она с трудом сумела подписать протокол. Подпись получилась состоящей из нескольких штрихов, а не монолитной, как обычно, – отводила руку, чтобы следователь не заметил дрожи. Это она на людях умеет держать лицо, чтобы выглядеть хладнокровной и сильной, из-за чего окружающие думают, что ей все нипочем. А на душе... да кому какое дело, что у нее на душе?! Это и хорошо, что никто не может туда заглянуть. Пусть лучше считают ее толстокожей, железной, негнибаемой – какой угодно, только не слабой, иначе вмиг проглотят. У нас народ очень любит несчастных: посочувствуют, пожалеют, приголубят, сопли

утрут и считаться перестанут. А чего считаться с убогой? Она за себя постоять не может, и поэтому ее мнением можно пренебречь. А попробуй упомянуть о своих успехах, что тогда начнется! Очень немного найдется людей, которые искренне за тебя порадуются. Успешных не любят, они раздражают и вызывают желание найти у них изъян. Радоваться твоим успехам могут только успешные люди и те, которые тебя любят, а таких немного – это Яся усвоила крепко, была возможность.

Ярославе не нравилось, что следователь так дотошно копает. Она считала, что бабушка умерла от сердечного приступа, а полоса на ее шее – совпадение. Мало ли от чего она могла образоваться. И ключ она могла сама снять и где-нибудь спрятать. Зачем вообще она его на шее носила, он отнюдь не маленький и не такой уж легкий. Полиции будто бы заняться нечем, закрыли бы дело и успокоились – ни им хлопот, ни семье нервов. И так среди родственников царит вражда, а теперь и вовсе все перегрызутся. Вот уж поистине яблоко раздора.

Она посмотрела на часы – полпятого. Возвращаться на работу не имело смысла. Это и хорошо, так как надо еще встретиться с Томой, – подумала Яся. У Томины сегодня был выходной, поэтому она должна быть дома. Но ехать к ней на Песчаную Ясе не хотелось. Неприятно там было находиться: вроде чисто всюду и уютно – коврики, салфетки лежат, мебель хорошая, ремонт сделан, а вот атмосфера в доме плохая, неприятно там. Она набрала номер Томины и предложила встретиться в кафе. Сестра согласилась неохотно. Это рядом с твоим домом, добавила Яся, и Томина уступила.

Ярослава пришла в кафе пораньше. Она быстро доехала до места и не стала сидеть в машине. В это время было много свободных столиков, Яся выбрала место около окна за столиком с мягкими диванчиками. С Томиной предстояло обсудить сороковины бабушки, и разговор обещал быть тяжелым. Мероприятием занималась Дарья Альбертовна – она распределила обязанности между членами семьи. Обязанности достались не всем – только тем, на кого можно положиться и с кого спросить. Володя к таковым не относился. Им с Томой досталась организация стола. До сороковин оставалось еще достаточно времени, но Дарья Альбертовна предпочитала подходить к делу основательно, чтобы перед людьми не ударить в грязь лицом и чтобы они потом не отзывались о ней как о плохой хозяйке. Сейчас Яся старалась об этом не думать, заказала себе кофе по-венски и яблочный штрудель. Штрудель был не таким, какой она ела в Вене, но Яся попыталась представить, будто бы она вновь оказалась в австрийской столице. Тихая европейская страна ее очаровала сразу, едва она спустилась с трапа самолета два года назад. Чистота и уют улиц, торжественный облик фасадов и всюду уважение к людям, позволяющее ощущать себя человеком, а не никому не нужной, незащищенной букашкой. Она пила кофе и думала, что когда-нибудь непременно переберется за рубеж, потому что жизнь одна и следует прожить ее в достойных условиях, которых, увы, никогда не будет у нее в России.

Пришла Томина. Бледная и замученная, с наспех собранными в школьный хвостик волосами, облупившимся маникюром, который из-за светлого тона в глаза не бросался, но все равно выглядел неряшливо. Яся с сожалением отметила, что сестра перестает следить за собой, еще не окончательно махнула на себя рукой, но, похоже, все к этому идет.

Тома, ссутулившись, уселась на диванчик, сложив перед собой в замок кисти рук. Подумала и принялась листать меню.

– И выбрать нечего. Все либо дорогое, либо невкусное, – посетовала она. – За какой-то кофейный напиток двести рублей!

– Это совсем не дорого. Выбирай, что тебе нравится. Я угощаю.

– Нет, я ничего не буду, – заупрямилась Тома.

– Напрасно. Здесь неплохие пирожные и кофе. Мне премию дали, так что считай, я проставляюсь.

Премии Ярославе дали две недели назад и она была плановой, но нужно было найти повод, чтобы заплатить за сестру и тем самым ее не обидеть.

Все равно Томила сопротивлялась, но уже вяло. Ей казалось нелепым выкладывать за кофе с пирожными пятьсот рублей, когда дома можно попить кофе бесплатно. Она иногда позволяла себе походы в кафе с подружкой. Но то с подружкой. Посиделки с ней, кроме всего прочего, имели терапевтическое действие – излить душу – это святое, а с сестрой с этой целью в кафе сидеть без толку, у нее другие взгляды на жизнь и поэтому она не поймет, рассказывай – не рассказывай.

Сошлись на лате с корицей и малиновом десерте. Тома отложила в сторону меню и повертела головой по сторонам в поисках официанта.

– Официанты как вымерли. Здесь всегда так?

– Сейчас подойдут, – пообещала ей Яся. – Что ты такая взвинченная?

– Посмотрела бы я на тебя, если бы тебе приходилось ездить в общественном транспорте.

– Я раньше ездила – и ничего, живая. Что такого в нем страшного?

– А то. Там приходится находиться рядом с чужими людьми, а они в большинстве своем как на подбор – бомжи бомжами. Все нормальные люди машины понакупили, в метро ездят одни нищоброды и я.

Яся поежилась: от этого «понакупили» сквозило пренебрежением и обидой. Слова с такими приставками относятся к чему-либо, чего много и оно плохого качества или само по себе плохое: понастроили, понаехали... Она, Яся, тоже «понакупила», раз на личном автомобиле ездит, а не на трамвае.

– Не надо огульно всех равнять под одну гребенку. В метро далеко не нищие ездят, бывает, что вполне состоятельные люди, чтобы не стоять в пробках, тоже в подземку спускаются.

– Угу. Оно и видно, какие они состоятельные по их ширпотребовским пуховикам и сумкам из дерматина. Нищоброды, и повадки у них нищобродские! Забегают в вагон, распахивая всех локтями, и садятся на свободные места. А ты стой всю дорогу. Толпа около эскалатора – это вообще зоопарк на выезде! Все бегут, обгоняя и отталкивая друг друга, словно эскалатор вот-вот закроют. Особенно бесят мужичонки, которые протискиваются вперед. Умрет он, если не встанет на ступеньку раньше. В каком хлеву они воспитывались? У меня к таким одно сплошное отвращение. А ведь они чьи-то мужья. Расталкивают всех в метро, а потом приходят домой к своим женам. Я бы не смогла с такими жить.

– Тебя никто и не заставляет с ними жить, – заметила Яся. – Нельзя быть такой нетерпимой к людям.

Ярослава поразились, какой злой стала ее сестра. Надо же, как жизнь ее побила: повернулась своей темной стороной, и Томила в ответ сделала то же самое и теперь людям демонстрирует преимущественно плохие стороны своего характера. А ведь она была совсем другой: мягкой, доброй, открытой. Или же это только казалось, ведь люди не меняются?

– Легко быть терпимой к людям, когда с ними не приходится соприкасаться руками! Когда видишь их лишь из-за стекла автомобиля и не слышишь ни издаваемого ими шума, ни запахов! Ты можешь сколько угодно обвинять меня в нелюбви к людям, но прежде поинтересуйся у автовладельцев, почему они не пользуются общественным транспортом, даже если времени на дорогу придется потратить гораздо больше? А я тебе отвечу почему. Потому что там люди! Они толкают, лезут под ноги, дышат в лицо. Мне неприятно, когда чужие люди ко мне прикасаются и дышат мне в лицо! Мне неприятна смесь запахов: чужие дезодоранты, перегар, табачный дым. Почему всем этим я должна ежедневно дышать? И я ненавижу всех, кто создает мне неудобства. Да, я нетерпимая. А почему я должна терпеть?

Ярослава молчала – возразить ей было нечего. Конечно, сестра сгущает краски и реагирует на все слишком нервно, но в чем-то она права. Яся и сама, после того как купила автомобиль, стала тяжело переносить метро. И причина тому, как верно заметила Тома, люди. Да, она не была такой нервной и обозленной на весь мир, как ее сестра. Но попади она в те же условия,

кто знает, какой бы стала. Может быть, еще более склонной и агрессивной. Сказать, что Томила сама виновата, легче всего. Мол, каждый выбирает свою судьбу. Выбирает, конечно, но только отчасти, в пределах данных ему возможностей, а эти возможности у всех ох какие разные.

Ясина учительница в пятом классе любила повторять, что все люди рождаются одинаковыми, все агукают. То есть из ее рассуждений следовало, что у всех одинаковые шансы на достижение успеха. В пятом классе Яся в это верила, но, повзрослев, поняла, что учительница была не права. Кого-то Бог одаривает красотой, кого-то умом, здоровьем, кому-то везет на богатую родню, а кто-то рождается в бедности с плохим здоровьем и без мало-мальской возможности выбиться в люди. У иных нет ни упорного характера, ни мозгов, и они в этом не виноваты. Вот Томила, например, сидит сложа руки и киснет, вместо того чтобы действовать. А что она может предпринять, чтобы изменить ситуацию? Она же не лентяйка – пашет с утра до вечера на своем складе как проклятая и получает копейки. Да еще Дениса растить надо. Пойти в институт на заочное? Можно, конечно, но она же не двужильная, и память уже не та, чтобы учиться. Получит она диплом через годы, но без опыта по специальности сможет устроиться только на низкооплачиваемую работу, настолько низкооплачиваемую, что с ребенком на нее не прожить. Раньше надо было думать, скажут некоторые – и будут правы. Только где они были со своими советами, когда Тома оканчивала школу и слушать не хотела ни о каких институтах. Скорее за прилавок торговать бижутерией, чтобы быть самостоятельной. Поработав продавщицей в холодном павильоне, Тома решила пойти учиться в колледж, но, не доучившись, бросила. Семнадцать лет – это не тот возраст, чтобы четко представлять, чем заниматься в жизни. После окончания школы Тома умела строить планы не далее чем на ближайшее лето. Тогда не помешало бы вмешаться матери, чтобы вправить мозги глупой дочери, но Дарья Альбертовна решила, что Томилу должна научить жизнь.

– Я, кажется, знаю, кто забрал из сейфа яблоко, – произнесла Тома. – Это мой бывший.

– Ты уверена? – с сомнением спросила Яся. Томила была очень обижена на бывшего мужа и не упускала возможности выставить его в черном цвете.

– Он приходил к нам в тот вечер, когда мы с дачи приехали, чтобы передать деньги на Дениса. У меня зазвонил телефон, и я вышла на кухню поговорить. Это Любка с работы звонила, а она баба трепливая, если начнет болтать, то это надолго. Пока я Любку слушала, мой Коленка мог три раза сейф обчистить. Точно говорю, это он, больше никому!

– Может, ты ошибаешься. Все-таки он отец твоего ребенка.

– Ну и что, что отец. В гробу я видела такого отца. Он и на дачу приезжал к этой своей выдре Сазоновой. Ко мне зашел, не постеснялся. Якобы для того, чтобы уточнить, когда я буду в городе, чтобы деньги мне занести. А то он не знал, когда буду! Все сходится: Колька сорвал с шеи Аиды ключ, а затем обчистил сейф.

– Ты это следователю рассказала?

– Нет. Я только теперь до этого додумалась, сразу не сообразила.

* * *

Они пришли почти одновременно с небольшим отрывом друг от друга. Тихомирову позвонил дежурный и сообщил, что явилась Лакришева и желает срочно ему что-то сказать. Затем, спустя полчаса, когда Дарья Альбертовна уже покинула его кабинет, дежурный позвонил снова и сказал, что к нему рвется Пеганова и тоже по срочному делу.

– Здравсте, – коротко поздоровалась Дарья Альбертовна, появившись в дверном проеме. Она вмиг оценила пыльные окна кабинета и творческий беспорядок на столе следователя, отчего Илья Сергеевич, сидевший за этим столом, слегка смутился.

– Здравствуйте. Проходите, пожалуйста, – пригласил он, указывая на стул.

– Я вот почему пришла, – перешла сразу к делу Дарья Альбертовна. – Вы сказали, что, если я что-нибудь вспомню, немедленно вам сообщить. Я вспомнила. В тот день, когда мама умерла, на заднем дворе я видела следы. Следы были большими, мужскими, и я тогда еще подумала, что это Руслан ходил в лавку за сигаретами через задний двор. Но Руслан сказал, что он в тот день никуда не ходил и сигареты у него не заканчивались – он их с запасом взял, так что еще назад, в город увез. К тому же зачем ему по сугробам бродить, когда я дорожки почистила? Через передний вход до лавки чуть дальше получается, но это когда снега нет, а по сугробам через задний вход гораздо дольше. Я подумала, что это убийца наследил. Через задний двор можно незаметно зайти на веранду. Окна дома на ту сторону не выходят.

Тихомиров задумался: видел ли кто-нибудь следы на заднем дворе, когда выезжали на труп? Вроде нет, иначе бы этот факт был отражен в протоколе. Вечером и всю ночь падал снег, так что к утру следы наверняка замело. Если, конечно, они там были и Лакришева ничего не сочиняет. А то ведь с нее станется, соврет – не дорого возьмет, лишь бы среди ее родни преступника не искали.

– Что же вы сразу нам об этом не рассказали?

– Так я ж не подумала. У меня мать умерла, а вы хотите, чтобы я о каких-то следах помнила! – с пафосом произнесла Дарья Альбертовна, театрально одарив Тихомирова презрительным взглядом. Мол, черствые люди эти милиционеры – не понять им чувств убитых горем родственников.

«Не подумала, как же! Все-то ты подумала и прежде, чем сюда явиться, прозондировала почву, не братец ли это во дворе потоптался?»

– Что же, как говорится, лучше поздно, чем никогда. В какую сторону вели следы: к дому или, наоборот, из дома?

– Так это... не знаю даже, – Лакришева стала соображать, что ответить, да так напряженно, что следователю почудился треск шестеренок ее мозга, которые просчитывают ситуацию. – И в ту, и в другую, – выдала она ответ.

– Какие следы были отчетливее? – задал очередной вопрос Илья Сергеевич, хитро сощурив глаза. Он уже знал, что скажет женщина. Если голова у нее варит, то с этой задачей для пятого класса она справится.

– Отчетливее были следы, которые вели от дома, – довольно быстро ответила Дарья Альбертовна.

– Выходит, преступник пришел с улицы, убил Аиду Серафимовну, а затем убрался прочь тем же маршрутом, – заключил Тихомиров.

– Возможно. Делать выводы – это ваша работа.

– Наша, наша, – согласился Тихомиров, протягивая ей протокол на подпись.

Илья Сергеевич не успел переварить информацию, полученную от визита Лакришевой-старшей, как в дверь его кабинета снова постучались, а точнее, поскреблись.

– Можно? – робко спросила Томила, переступая порог.

Илья Сергеевич отметил явный прогресс – на губах женщины появилась перламутровая помада, но одежда по-прежнему оставалась безвкусной.

Томила присела на краешек стула перед столом следователя, не зная, с чего начать.

– Что вы хотели рассказать? Я вас слушаю, – подбодрил Тихомиров.

– Я знаю, кто преступник, – выпалила она и покраснела. Илья Сергеевич был привлекательным мужчиной, и это вгоняло ее в смущение, несмотря на то что она находится в казенных стенах и он при исполнении. Она и губы сегодня подкрасила из-за него, и он наверняка это заметил. Думая об этом, Томила засмушалась еще больше.

– И кто же он? – любопытствовал следователь. Дело начинало приобретать занятный оборот: сначала все всё отрицали, а теперь начинают находить виноватых.

– Это мой бывший муж, Николай. Он приходил к нам домой, на Песчаную, вечером третьего числа, чтобы деньги на сына отдать. У меня телефон зазвонил, и я вышла на кухню, а Коля в это время остался один, и у него было время, чтобы залезть в сейф. Я думаю, что он так и сделал. Сами посудите, кто бы это мог быть, если не он?

– Логично, – усмехнулся Тихомиров. – Что же вы сразу не сказали, что приходил ваш бывший муж?

Ответ на этот вопрос следователь знал – потому что Томиле, как и ее матери, нужно было подумать, прежде чем давать показания. А думали обе женщины медленно.

– Из головы вылетело, – потупила взор Тома. – Смерть бабушки, столько событий... Не до того было. Да. И кстати, днем, когда бабушка умерла, Коля был в Разметелеве. Он заходил, чтобы договориться насчет денег. Но тогда он был на виду, так что он не убивал. Я думаю, бабушка ключ где-нибудь обронила, а Колька и подобрал.

– У кого на виду он был? Кроме вас, кто-нибудь видел, как Николай приходил и уходил из вашего дачного дома?

– Даже не знаю. Мама в это время на кухне тестом для пирогов занималась. Из кухни вход не виден, только пятачок двора и гараж, дядя Руслан хоккей смотрел, Яся в магазин за маслом вышла – мама попросила, у нее оно закончилось, Дениска спал после беготни на горке. Да Коля всего на минутку зашел.

Отпустив Пеганову, Илья Сергеевич стал перелистывать дело. Сегодня в нем появился еще один фигурант – бывший муж Томилы. Ключевое слово этого словосочетания – «бывший». Поэтому Тихомиров особо не обольщался насчет объективности показаний Томилы, ибо знал, что женщиной могут двигать обида и желание насолить. Но оставить без внимания ее показания следователь не мог. Тихомиров снял трубку и набрал номер оперативного отдела, чтобы поручить оперативникам взять в разработку Николая Пеганова.

* * *

Оперативную группу, прибывшую по адресу проживания бывшего мужа Томилы, встретила хозяйка квартиры, Светлана Сазонова. Миниатюрная пышечка с трогательной челкой и удивленно приоткрытым малиновым ртом смотрела в дверной проем на раскрытое милицее-ское удостоверение, но цепочку снимать не спешила.

– Что вам надо? – подозрительно поинтересовалась она.

Капитан Зозуля объяснил, насколько ему позволяло деревенское воспитание – вежливо, но строго:

– Открывайте, дамочка. Обыск.

– Какой такой обыск? – упало у Светланы сердце. Не веря в происходящее, которое должно было быть ошибкой, она впустила представителей власти.

Предъявив хозяйке ордер, вошедшие без лишних церемоний приступили к своим служебным обязанностям. Светлана не смогла спокойно наблюдать, как посторонние люди копаятся в ее вещах. Придя в себя от замешательства, она попыталась возмутиться, но это не возымело никакого действия – сотрудники милиции выполняли свою работу и не собирались церемониться с хозяйкой.

Сообразив, что сила на стороне визитеров, Светлана сменить тактику.

– Послушайте, может, договоримся. Мы же не преступники какие-нибудь, а нормальные люди, – все это Светлана произнесла с интонацией маленькой девочки, уговаривающей родителей купить ей новую куклу. Она часто придавала своему голосу детские нотки, а своему образу притворную наивность – это был ее любимый способ добиться расположения. Свете казалось, что так она выглядит трогательной и мягкой, но на самом деле ее спектакль смотрелся фальшиво. На некоторых ее сюсюканья действовали, но в данном случае они не помогли.

– Вы бы лучше не мешали, дамочка, а то мы так до вечера не управимся, – порекомендовал ей Леонид.

Света сложила губки бантиком и обиженно отвернулась к окну. Пусть делают что хотят, – махнула она рукой. В конце концов, это дела Николая, пусть с ним и разбираются.

Николая дома не было – это оперативники выяснили заранее. За ним отправили машину в НПО, где он работал.

Светлану нервировало положение, в котором она оказалась: она собиралась сделать маску для лица, принять ванну, перебрать шкаф с нарядами, чтобы отсортировать вещи и выбросить старье, а тут явились какие-то люди и нарушили все ее планы. Да еще понятых притащили – бабулек с лавочки во дворе. И все это по милости Кольки! Какого черта он ушел на работу в то время, когда он нужен здесь?! Это Колька должен сейчас разбираться с милицией, а не она. Свете очень хотелось высказать свое негодование Николаю, с этой целью она три раза набирала его номер, но тот был вне сети.

– Если вы звоните своему сожителю, то напрасно – он вам ответить не сможет, – пояснил Светлане капитан, подразумевая, что Николаем заняты его коллеги.

Свету покорило это казенное определение «сожитель». Как в притоне каком-то. Ну и что, что они не расписаны. Он ей муж, любимый человек, а не сожитель! Сазонова одарила оперативника презрительным взглядом, но ничего говорить не стала – что с ним разговаривать, с этим неотесанным ментом?! Привык иметь дело с уголовниками и теперь и с приличными людьми точно так же обращается.

Между тем у сыщиков наметился прогресс. Один из сотрудников, производивших обыск, добрался до верхней полки кухонного пенала, где обычно хранятся милые, но ненужные вещицы вроде вазочек и статуэток. В одной из таких вазочек ловкая полицейская рука кое-что обнаружила.

– Есть! – сообщил один из сотрудников полиции, осторожно извлекая на свет ювелирное изделие – золотое яблоко семьи Лакришевых.

– Что это значит? – удивленно захлопала ресницами Светлана, когда ей дали подписать протокол.

Света не понимала, что происходит: в ее квартире устроили обыск, который, судя по найденной ценной вещи, был отнюдь не ошибкой.

Когда служители закона ушли, с Сазоновой случилась истерика. Что теперь будет и чем это грозит ей лично?! «Колька украл яблоко, и теперь его посадят», – вертелась у нее в голове мысль. И надо же ему было спрятать украденное у нее в доме. Теперь у нее из-за этого будут неприятности.

– Вот урод! – ругнулась Света, раздраженно думая о Николае. – А ведь яблоко, должно быть, очень дорогое. Там чистого золота небось на полкило потянет. Если бы дело проверить грамотно, то можно было бы неплохо заработать. На Мальдивы съездить на месяц и шубу купить.

Она очень живо представила себе шубку из серебристой норки и ультрамарин океана.

– Даже украсть по-человечески не может, неудачник! – с сожалением констатировала Светлана. Ей вдруг стало себя очень жалко, что у нее так непутево сложилась личная жизнь: мало того, что пришлось подобрать мужика – секунд-хенд, так он еще оказался ни на что не способным придурком, подкинувшим ей напоследок проблем.

Светлана недовольно обозрела беспорядок, устроенный сыщиками. Ее взгляд наткнулся на вытащенную из комода коробку с вещами Дениса: его конструктором и учебниками. От злости щеки ее покраснели. Это уж слишком! Зачем, спрашивается, этот недоумок привел в ее квартиру своего отпрыска?! Мальчику, видите ли, вредно находиться в атмосфере похорон и судебной тяжбы. А ей не вредно обслуживать чужого ребенка?! Готовить ему, собирать в школу, вытирать за ним грязь? Ну все, с нее достаточно. Чтобы она еще раз хоть пальцем

пошевелила ради этой семейки – никогда! Дудки вам! Света с остервенением стала собирать детские вещи. Покидав в кучу Денискино барахло, она набрала номер Томилы, чтобы сдать ей ее сына.

– Ты в курсе, что Коля сейчас в милиции и он не сможет забрать Дениса из школы? – вместо приветствия раздраженно сказала она, услышав удивленный голос Томи. – Как ты понимаешь, я за твоим чадом не поеду – не нанималась. И заberi его вещи из моего дома!

Светлана мечтала быть домохозяйкой, чтобы сидеть дома и ничего не делать. То есть выполнять несложную домашнюю работу вроде протирания пыли и готовки еды. Она и до появления в доме мужчины этим занималась, но тратила больше сил, так как в доме не было бытовой техники, а также приходилось самой ходить за продуктами, выносить мусор и отвозить вещи в химчистку. При всем при этом она ежедневно ходила на работу, которую терпеть не могла. Ее должность называлась «помощник руководителя», звучала громко, а по сути – простая секретарша, коих в ее ОАО насчитывалось восемь штук.

Если правильно подойти к делу, то домашний труд не станет в тягость, рассуждала Сазонова. Чай, не каменный век, чтобы горбатиться, сейчас полно бытовой техники: посуду вымоет машина, а еду из полуфабрикатов готовить – милое дело: поставил в микроволновку – и готово. Это только дуры вроде Томилки на себя все взваливают, поэтому и превращаются в загнанных лошадей, на которых без слез не взглянешь. На таких, как Томила, мужики не раскошеливаются. Не станет мужик обустривать ее быт, если она все делает сама – моет посуду и не жалуется, что маникюр страдает, значит, ей это занятие нравится и никакой посудомоечной машины покупать не нужно.

Николай подвернулся кстати. Она его заприметила в дачном поселке, куда приехала к родителям на выходные. На дачу Светлана ездить не любила, поэтому бывала там редко. Она не знала, как обратить на себя внимание, но все оказалось проще – соседка по даче Тома, с которой они водили шапочное знакомство, сама представила ей своего мужа. Движимая обычной бабьей глупостью Тома хотела пофорсить: смотрите, как у меня все хорошо, муж ладный, работающий, и ребенок – картиночка. Светлана с ней согласилась, а сама подумала, что ей тоже такой не помешал бы. Уже на следующий день она «случайно» встретила Николая по пути из продуктовой лавки. У нее вдруг оказался непомерно тяжелый пакет с овощами, который к тому же еще и порвался. Внезапно Света оступилась и «подвернула ногу». Николаю ничего не оставалось, как оказать помощь недавней знакомой и заглянуть к ней «на минуточку» в гости. Слово за слово, к месту сказанная похвала, кокетливая стрельба глазами, случайные прикосновения – Николай почувствовал себя мачо. А дома замотанная делами жена, ребенок то болеет и капризничает, то озорничает, накопившиеся мелкие проблемы, ссоры. Коля сам не заметил, как под любым предлогом стал стремиться навестить к соседке, в дом, где от него ничего не требуют, а только хвалят, хвалят и хвалят.

Их встречи давно уже переместились в город. Света была для него глотком свежего воздуха, позабытым эхом беспечной юности. С ней он снова почувствовал себя тем разбитным парнем, которым был когда-то. Они ходили в рестораны, кино, катались на речных трамвайчиках и гуляли по набережным. Это было даже лучше, чем в юности, потому что теперь не было финансовых ограничений, а тогда на ресторан, даже на самый дешевый, приходилось подолгу копить. Он дарил ей охапки роз, а она радовалась, как дитя. Разве Томка умеет так радоваться цветам? Нет! Она каждую копейку считает и тратит прежде всего на ребенка и на питание и откладывает на отдых и на ремонт. Да так вся жизнь пройдет в этой экономии.

Вернувшись после очередной «сверхурочной работы», Николай с брезгливостью посмотрел на жену, такую усталую, с собранным в хвостик давно не крашенными волосами и потухшими глазами.

– Ужинать будешь? Я суп приготовила, твой любимый.

– Нет, спасибо. Я на работе поел, – сказал он, торопясь скрыться в ванной. Там опять был бардак: сваленные в кучу нестиранные вещи Дениса, развешенные на змеевике некрасивые Томкины лифчики из хлопка вперемешку с его носками. Коля вспомнил красное шелковое белье Светланы, которое сам подарил ей на Восьмое марта, и глубоко вздохнул. Если еще днем он колебался в принятии решения – какую из двух женщин выбрать, то эти лифчики его добились. Выбор стал очевиден.

* * *

Высокий, эффектный, важный. Но суетливый. Движения в два раза быстрее, чем требуется.

Нервничает, сделал вывод Тихомиров, оценивая своего подопечного. Николай Пеганов сидел в его кабинете, вальяжно закинув ногу на ногу и сутуло округлив спину. Впечатление он производил двоякое: внешний лоск при внутренней зажатости.

– Вы приходили третьего января в дом Лакришевых? – спросил следователь.

– Приходил, – не стал отрицать Пеганов. При этом он сложил ладони перед собой, как в молитве. – Я видел, что Томила приехала на дачу. Я пришел к ней, чтобы договориться о передаче денег. У меня в мобильнике сел аккумулятор, зарядки не было. У нас с Томкой уговор – в начале каждого месяца я передаю ей деньги на Дениса. Я подумал, что она все равно на даче, а дома рядом, так почему бы не сходить? Зашел, договорились о том, что я приеду в город и принесу ей деньги. Так и сделал.

– И заодно вскрыли сейф и забрали оттуда фамильную драгоценность.

– Какую драгоценность? – изумился Николай.

– Золотое яблоко. Его нашли при обыске в квартире вашей сожительницы Светланы Сазоновой.

– Не знаю, откуда оно там могло взяться! Да и не нужно оно мне! Я не раз слышал о нем, пока был женат на Томиле. В ее семье все на нем были помешаны. Особенно их бабушка, Аида Серафимовна. Никому его не позволяла трогать, только постоянно всем твердила, что она хранительница и поэтому главная. С ней-то все понятно, у старушки были не все дома, а остальные-то чего устроили ажиотаж? Я не раз слышал, как Томкина родня спорила, как выгоднее распорядиться яблоком. За спиной у Аиды Серафимовны, разумеется. Так что если яблоко украли, то это дело рук членов «дружной» семейки.

– Тем не менее пропажу обнаружили у вас.

– Вот тут мне ответить вам нечего. Сам теряюсь в догадках. Я нормальный законопослушный гражданин, и я не стал бы заниматься воровством. Потому что мне это чуждо и идет вразрез с моими моральными принципами! Посудите сами. Допустим, это действительно сделал я. Я не говорю, что это «сделал» я. Я говорю, «допустим». Так вот, если бы это сделал я, неужели я бы стал держать у себя дома украденную вещь?

– Всякое бывает. Иные преступники рассуждают точно так же, в надежде, что у них в доме искать не будут.

– Так рассуждают полные идиоты, а я, как вы видите, в здравом уме. Я, на минутку, высокооплачиваемый специалист с высшим образованием, – гордо заявил Пеганов.

Он постоянно «якал», и это тоже не ускользнуло от следователя. Считает себя центром вселенной районного масштаба – дотянуть до городского мешают комплексы, – заметил Тихомиров.

Николай явно считал собственную востребованность на рынке труда неоспоримым плюсом. Илья Сергеевич читал досье на Пеганова и знал, что тот окончил институт тяжелой промышленности и работал менеджером проектов в научно-производственном объединении, занимающемся обработкой металлов. Среди его контингента преимущественно встречались

необразованные, антисоциальные элементы, но и интеллигентов тоже хватало. Все-таки Пеганов отчасти был прав – суд всегда при вынесении приговора принимает во внимание характеристику личности, и ему, следователю, не помешает с этим считаться.

Дарья Альбертовна вспомнила, что вечером видела припорошенные снегом следы, ведущие к веранде. Следы, как ей показалось, были, судя по размеру, мужскими. К сожалению, про следы она сообщила слишком поздно для того, чтобы их идентифицировать. Да к тому же еще неизвестно, были ли они там, или это только плод воображения хозяйки дома. Если следы действительно имели место быть, то они служат косвенной уликой против Николая, что вроде бы логично: Пеганов зашел с парадного входа, осмотрелся. А во второй раз пришел огородами.

Николай версию о том, что он приходил в дачный дом Лакришевых через огород и там наследил, отверг на корню.

– Чушь какая! Я что, похож на идиота, чтобы лезть в сугроб, когда рядом есть короткая расчищенная дорожка?! – вскочил с места допрашиваемый. В голосе его пробудился тигр, который вот-вот зарычит.

Вопрос был риторическим. Илья Сергеевич в своем кабинете подобные выпады наблюдал постоянно. Обычно их демонстрировали люди, замазанные по самые уши.

Таврическая губерния. 1836 г.

– Возьму сердце раба божьего Елисея, понесу на остуду в ледяное царство, в остудное государство. Чтоб раб Елисей рабу Анастасию не любил, сердце свое остудил, в сердце ее не носил. В ледяном царстве, в остудном государстве стоит ледяная изба, в избе ледяная стена, ледяное окно, ледяная печь. Черт с чертовкой дерутся, щипаются, кровью обливаются, думу не думают, советы не советуют. Так бы раб божий Елисей с рабой божьей Анастасией дрался и щипался, злился и ругался, думы бы не думал, советы не советовал. Век по веку отныне до веку.

Произнеся эти слова, Алкмена вернулась в избу и тихо, чтобы не разбудить дочь, легла спать. Ночь выдалась ясная, с убывающей луной – подходящая для отворота. По мнению Алкмены, отворот был необязательным, потому как граф и так был холоден со своей женой, никогда между ними согласия не было. Но чтобы задуманное удалось наверняка, ритуал нужно было начинать с отворота. Уж слишком долго она ждала этого часа, чтобы все испортить какой-то мелочью. Ждать Алкмена умела, и чем дольше ждала, тем изощренней становился ее замысел. Ее месть выдерживалась годами, как драгоценное вино. Теперь настало время откупорить бочку и угостить напитком врага.

– Ишь, бусами решил откупиться! Сунул, как публичной девке, – негодовала Алкмена.

– Они красивые. Камни яркие, как кровью налитые.

– Красивые. Только цена им – медный грош в базарный день! Он заплатит, за все заплатит!

– Может, не стоит? Уж очень высока плата получается, – усомнилась Аполония.

– Такое нельзя прощать! Или ты считаешь иначе? – при этом темные глаза Алкмены полыхнули дьявольским огнем.

– Нет, я не считаю. Сердце врага должно быть растоптано! Но я сомневаюсь, враг ли он мне?

– Он мне враг, а значит, и тебе.

– Хорошо, я сделаю все, как ты скажешь.

Аполония сняла с головы ленту, и ее тяжелые волосы цвета горького шоколада упали на смуглые плечи. Не торопясь Аполония расстегнула сорочку, обнажив словно высеченное из темного мрамора юное тело. Острые ключицы, изящные щиколотки, колени, напоминающие лица детей-близнецов, небольшая высокая грудь с темными ореолами вокруг сосков, тонкая

до невозможности талия, узкие бедра и манящие ямочки на упругих ягодицах. Даже Алкмена не смогла отвести взгляда от прекрасных пропорций, а она-то видела это тело постоянно.

– Совсем как я в юности, – удовлетворенно произнесла она. – Никуда не денется, как пес цепной будет служить. И никакого приворота не надо.

– Так, может, тогда не будем ворожить?

– Дело надо довести до конца. Луна нынче растущая – то, что надо. Возьми вот это и это. Натрешь себя три раза, повторяя заговор.

– Что это? – удивилась Аполония, глядя на жидкость. – Это не повредит моей коже?

– Нет, напротив. Это вода – морская, с медом диких пчел, и чистая родниковая. От такой воды кожа станет мягкой и бархатистой, еще краше, хоть краше, чем есть, уже некуда.

– Тогда ладно, – рассмеялась девушка. – Буду краше дальше некуда.

Аполония зачерпнула из первой крынки приготовленную воду, попробовала на вкус – сладко. Опустила ладонь и стала натирать ею тело, приговаривая:

Тело мое бумажное, кожа бела,
Кровь солена, любовь к рабу божьему Елисею сладка.
Я грудью вздохну, головой буйной встряхну,
Босой ногой по сердцу раба божьего Елисея пойду.
Чтоб ему ни одной темной ночи не спать,
Не лежать, матери, отца не вспоминать,
Друзей не окликать, подруг не зазывать,
Чтоб меня, рабу божью Аполонию, двенадцать лет
не забывать.
Будьте, мои слова, крепки и лепки.
Двенадцать лет держитесь, двенадцать лет лепитесь.
Ключ, замок, язык. Аминь.

Затем девушка проделала то же самое с водами из двух других крынок. После натирания тела родниковой водой Аполония нагая вышла из избы и стала сушиться, кружась в лунном свете.

– Теперь никуда не денется. Только сама не забывай, кто он для тебя, – предупредила Алкмена, но девушка ее уже не слушала. Она побежала по дорожке к склону, откуда открывался вид на море.

– Какая волшебная ночь! Звезды, как горошины. А море, море какое! Спокойное, словно оно уснуло! Э-ге-гей! Просыпайся! – закричала Аполония и бросила со скалы камень. Камень исчез в темноте, отозвавшись глухим всплеском.

Санкт-Петербург. Наши дни

Половина дела сделана – в стан врага нанесен сокрушительный удар, который вывел его из равновесия. Сегодня Томиле позвонила взбешенная Сазонова и потребовала немедленно забрать Дениса. Она шипела, как змея, назвала ее кукушкой, а Николая козлом, от которого, кроме проблем, ничего не дожидаться.

До окончания продленки оставалось еще три часа, поэтому можно было пока заняться своими делами. Суп надо сварить и дыру в кармане куртки сына зашить. Мать постоянно ворчит, что она по дому ничего не делает. Как же «не делает»? Еще как делает, пашет как лошадь. Мать ей сразу условие поставила, что ни ее, взрослую кобылу, ни ее семью она обслуживать не собирается. Один раз ужин не приготовила, потому что сил не хватило после работы идти в магазин, так теперь постоянно вспоминает.

Идти к Сазоновой забирать детские вещи? Очень надо! Сама принесет. А если не принесет, можно потом за ними сходить. Денис без лишней пары носков обойдется, дома у него шмотья и всяких игрушек-книжек полно, а Светку его вещи будут нервировать. Вот так вот! Противника надо добивать до конца и делать это всеми возможными способами.

Сазоновой Колька был нужен, только когда у него дела шли хорошо, а как только он попал в беду, так все – пошел вон. Тома ее сразу раскусила, как только увидела. Первое впечатление – оно самое верное, в этом Томила убеждалась не раз. Только всегда считала, что не нужно отвергать человека, если он с первого взгляда не понравился, и всегда за это расплачивалась. Так вышло и с Сазоновой. При знакомстве Светка показалась ей хищной и расчетливой. Но, как обычно, Тома из-за своего «не надо сразу отвергать человека, пусть он раскроется» со Светой стала общаться.

«И по гороскопу она Рыба – скользкая и противная. Настоящая щучка», – подумала Тома, вспомнив, как в марте Николай ушел к ней на день рождения вместо обещанного Денису похода в ТЮЗ.

То, что бывшего мужа посадили, Томилу ничуть не печалило. Уж лучше пусть за решеткой, чем с этой выдрой, рассудила она. Оно и полезно – посидит, подумает над своим поведением. Будет знать, как по потаскухам шляться.

А она ему передачку соберет с пирогами домашними, какие до свадьбы ему пекла. Глядишь, и наладится у них все.

Все шло, как надо. Томила впервые за последнее время стала улыбаться. Она взглянула на себя в зеркало, придирчиво изучая свое лицо. В детстве она дружила с одной хвастливой девочкой, Верой. Та все время чем-нибудь хвастала, ненавязчиво внушала окружающим мысль о своей исключительности. И платье у нее красивое, и через скакалку умеет прыгать без остановки, и даже парадная у нее самая лучшая, потому что первая от угла. Томка так не умела. Она понимала, что Веркина парадная ничем не лучше ее, а напротив, хуже, поскольку Веркин дом более старый, но Вера о нем так отзывается, что он предстает не иначе как дворцом. Платье на ней тоже самое обыкновенное – ситцевое в ромашку. Но у Томи-то на платье этих ромашек нет! И ни у кого больше их нет. Скачет Вера и в самом деле долго – тут возразить нечего, но уж не лучше всех – это точно. Юлька, которая на втором этаже живет, на три года их младше, совсем мелюзга, а со скакалкой такие штуки вытворять умеет, что Верке даже не снилось. Юля этому на гимнастике научилась, куда с четырех лет ходит. Только Юлька с ними играет редко, у нее всегда то занятия, то соревнования. Томиле, конечно же, тоже хотелось быть в чем-нибудь особенной, она даже могла придумать себе такую особенность, но вот беда – преподнести ее не умела. Поэтому, слыша очередное Верино: «К нам вчера гости приходили, и они сказали, что у меня красивые глаза. Мне все говорят, что у меня красивые глаза», – Томила могла сказать только: у меня тоже! «У меня тоже красивые глаза», – повторила Тома. Вера хмыкнула и ничего не ответила, будто бы и не услышала. «У меня красивые глаза», – внушала Томила, придя вечером с прогулки. Тогда, в десять лет, Тома не могла определить, красивые ли у нее глаза или нет. Она смотрелась в зеркало совсем не так, как смотрится взрослая женщина. Все, что зеркало ей могло тогда сообщить – это чистое ли у нее лицо или нет, а уж насколько оно привлекательно, отвечать на этот вопрос зеркало не торопилось. «У меня красивые глаза! – повторила девочка. – У меня будут самые красивые глаза!»

– У меня красивые глаза, – заключила Томила. – Губы тоже ничего. Только бледные слишком. Волосы тусклые, посеченные, нужно ими заняться, – она сняла с них резинку и, словно гребнем, расчесала их пятерней. А что, может, сделать асимметричную модную стрижку и покраситься? В какой-нибудь атомный цвет. Например, в рыжий. Что-то ей подсказывало, что на рыжий она не отважится, в крайнем случае, на ореховый, но помечтать было можно, хоть о рыжем, хоть о сиреневом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.